

МОСКВЫ УГОЛОК

Первое письменное упоминание об Унежме исходит от появившихся в начале XV века монахов Соловецкого монастыря. Наряду с другими описаниями хозяйственной жизни Беломорья, они сообщают, что на Поморском берегу существовали русские селения Унежма, Сума, Шуя. Но первоначальное поселение на наволочке Бранница появилось значительно раньше и, возможно, до прихода новгородцев. По мнению археологов и историков, расселение древних людей на территории Беломорья относится примерно к X–IX тысячелетиям до нашей эры. Спустя несколько тысячелетий, около 2500 лет до н.э., началось движение в Беломорье племен с юга, из Волго-Окского бассейна, затем появились лопари (саамы), потом финно-угорские племена и, наконец, русские. Из-за такого смешения различных племен и народов многие географические названия трудно отнести к какому-либо периоду заселения. Некоторые из них до сих пор остаются загадками и, возможно, останутся неразгаданными.

О древних жителях севера и географических названиях, оставленных ими, подробно рассказано в первой части книги. Унежма – единственное в СССР название населенного пункта. Есть Уни (Кировская область), Уна (Архангельская область), Уница (Карелия), Унжа (Костромская область), названия которых повторяются по несколько раз, но второй Унежмы нет! В названиях указанных населенных пунктов прослеживается одинаковое, как и у Унежмы, начало «ун». Другая группа населенных пунктов: Колежма, Лижма, Ужма, Шижма, Кутижма (все в Карелии), Шожма, Ижма (в Архангельской области) имеют одинаковое окончание «жма». На севере много финно-угорских названий населенных пунктов, речек и ручьев. В Онежском районе Архангельской области есть села Тамица и

Лямца, в районе нашей Унежмы реки: Челица, Малая Леменца и Большая Леменца, в Карельской АССР населенный пункт Метчелица, в Мурманской области реки Лица и Кица с одинаковым окончанием «ца». Еще одна группа населенных пунктов иноязычного происхождения: Пушлахта в Архангельской области, Палалахта и Чуралахта в Карелии, имеющие в своем составе финско-карельское слово «лахта», т.е. залив. На севере европейской части СССР смешанные топонимы так широко распространены, что подчас трудно решить: являются ли они переводом с языка местных жителей, или это исконно русские названия, построенные по подобию с прибалтийско-финскими, например: Кондостров, Хедостров, Лёхлуда, Вайхлуда и др.

Среди других сел Поморского берега Унежма занимает особое географическое положение. Расположена она, как немногие, у самого Белого моря, на значительном удалении от других сел. Унежма – одна из красивейших деревень Поморья, жемчужина Белого моря.

Береговая линия в районе Унежмы сильно изрезана. Здесь много заливов, наволоков, речек и ручьев. Почти на три километра врезается Унежемский наволок в море. Северная оконечность наволока – Великая варака, восточная – Варничная варака. Море окружает Унежму с трех сторон, а с четвертой, с южной – небольшой низменный перешеек и варака Смолениха. Перешеек, по словам старожилов, в далекие времена заливало море, и Унежма во время прилива оказывалась на островке. В этом ничего удивительного нет. Если пройти по перешейку, то заметишь, что место здесь слабое, жидкое. Тянется оно от Смоленихи в сторону Камбальего острова. А если учесть, что Белое море мелеет, его берега поднимаются за столетие от двадцати сантиметров до метра, то легенда станет былью. В наше время, в начале XX века, при больших штормах и северном ветре море подходило к Смоленихе, заливало тракт, чуть-чуть не соединяясь по перешейку с западной стороной.

За Смоленихой начинается Великое болото. Оно тянется от реки Унежмы и почти до реки Сосновки. За болотами леса, возвышенности, дальше к югу – отроги Ветряного пояса.

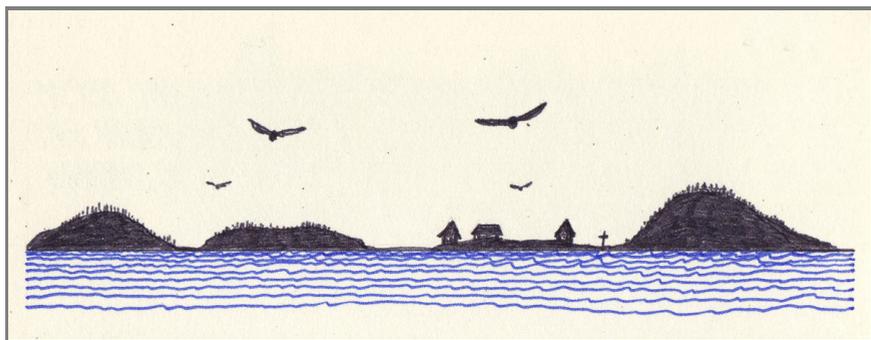
Но вернемся к морю, в Унежму. С севера и северо-востока ее защищают три каменных горы – вараки, поросшие сосной и кустарником. Унежемские вараки – это невысокие горы, от двадцати до

пятидесяти метров высоты. Их четыре: Великая, Варничная, Средняя и Смолениха. Названия варак говорят сами за себя: Великая – самая большая и высокая, Варничная – у ее подножия располагались варницы, Средняя – находится между Великой и Варничной. Смолениха стоит отдельно, южнее деревни. На ее склоне, западном и южном, густо поросших сосной и березой, жители деревни гнали смолу и заготовливали дрова для солеварения.

Унежемские варакки! Пройди по берегу моря и увидишь множество гор и горушек, больших и малых, высоких и низеньких, но таких как в Унежме не увидишь! Слово «варакка» – финское, сохранилось оно в Карелии (Малиновая варакка, Ноттоварака – названия карельских населенных пунктов), да в Унежме. Потому-то унежмочков иногда нелестно величали: «варакушники», «унежемская варака».

С западной стороны море врезается в сушу, образуя Унежемскую губу – полукруг от Великой варакки до Цельнаволока; с восточной стороны – губу Смолениху, от Варничной варакки до Соснового наволока. От деревни до Цельнаволока по тракту десять верст, а до Соснового наволока – семь. Летом во время отлива и зимой по ледоставу ходили и ездили прямым путем, и тогда расстояние намного сокращалось.

Появившиеся первопроходцы облюбовали место для жительства у Великой варакки, которая защищала от холодных северных ветров. Занимались они рыболовством, охотой и солеварением. Не исключено, что до прихода новгородцев на этих местах было кочевье лопарей (саамов). Подтверждения тому – многочисленные саамские топонимы, оставленные этим народом.

Усолье – так называли места, где занимались вываркой соли. Унежемское усолье располагало, видимо, многими варницами. Остатки их сохранились на Варничной вараке – две, на Унежме реке – одна, на реке Большой Леменце – одна. Вполне возможно, что территория между Средней и Великой варакими была полностью занята варницами: здесь имеются углубления и бугорки, как на Варничной вараке, на местах старых варниц, только значительно меньших размеров – годы и деятельность человека постоянно сглаживали неровности. О наличии варниц на этом участке говорит еще один факт: летом 1980 года, копая яму под картошку, житель Унежмы В.П. Евтюков наткнулся на кирпич-обжиганец, золу и скелет человека. Можно прямо сказать, что это была варница Соловецкого монастыря. В Унежме обжиганный кирпич никогда не вырабатывали, его привозили с Соловков. История не оставила никаких данных о разыгравшейся трагедии на берегу моря. Что случилось с древним солеваром, почему он оказался под слоем песка на глубине двух метров? Он, видимо, погиб от рук грабителей, рыскавших по Беломорью.

Остатки соляной варницы у Варничной варакы

Жить у моря было опасно. «Воры» – так называли всех иностранцев поморы – в любое время могли нагрянуть, ограбить, взять в плен, убить. В истории Беломорья известны многие случаи нападения шведов, финнов и других захватчиков на мирные села. Начиная с X века захватчики систематически терроризировали жителей Беломорья. Сначала они нападали на селения жителей Терского берега, а затем шли разорять онежан и двинян. В конце XV – начале XVI веков, в «смутное время», нападения «соседей» усилились. Во-

ры рыскали по Поморью, проникая далеко вглубь, доходили до Онеги и Холмогор. Не избежала погромов, пожаров и разорений и Унежма. Захватчики, как стая воронья, появлялись неожиданно: забирали скот, рыбу, соль, непокорных убивали на месте. Они шарили по домам, амбарам и подклетам, забирали все, что можно было взять, насиловали и уводили в плен, а затем поджигали деревню. Не успевали люди оправиться от разорения, как снова появлялись грабители.

Жить у моря стало невыносимо, и тогда многие ушли на реку, за десять километров от моря. Там построили дома, завели скот, сенокосы и пашню. К морю ездили и ходили рыбачить и варить соль. Но жизнь на реке многим не нравилась: мало пашни и сенокосов, а море, от которого в основном кормились, было далеко. По мелководной каменистой реке ездить на наволок можно было только в полную воду, пешая дорога шла болотом и грязью.

Многие обитатели деревни стали говорить, что надо идти на наволок, там удобней жить и сообща обороняться от врагов. Но не все соглашались. Появилось две группы: одни хотели жить у моря, другие на реке. Собрался сход. На нем спорили, ругались, но ничего не решили. Тогда сошлись самые старые, самые опытные и договорились положиться на Николая Чудотворца – защитника и покровителя мореходов и рыбаков. Икону Николая Чудотворца положили на ночь у часовни на реке, а сами легли спать. Проснулись – иконы нет. Искали по всему поселку, обошли всю реку, нигде не нашли. Тогда пошли на наволок к морю и обнаружили ее у Великой вараки.

Приверженцы жизни на реке стали говорить, что икону унес на наволок кто-нибудь из желающих жить у моря. Решили еще раз проверить. Опять ее положили на то же место у часовни и приставили караул. Стража всю ночь сидела не смыкая глаз, зорко охраняла икону, а когда рассвело и улегся туман, ее на месте не оказалось. Пошли искать по реке, обошли каждый кустик, но не нашли. Опять пошли на наволок к морю и на том же месте, что и в первый раз, у Великой вараки нашли.

Всем стало ясно: надо жить у моря, так велит Николай Чудотворец, так угодно богу. И все обитатели речной деревни переселились к морю, где у многих были избушки, построенные на время лова рыбы и выварки соли. Такова легенда об Унежме и, видимо, она отражает действительность.

Перейдя на наволок, на юго-западной стороне у Великой вараки жители построили караулку, а на вершине горы установили круглосуточное поочередное наблюдение за сушей и морем. В случае появления посторонних судов и людей стража оповещала жителей об опасности. Узнав об угрозе, все уходило из деревни, прятались, угоняли скот. «Караулка», как ее называли, сохранилась до наших дней¹. Это был большой бревенчатый дом. По словам П.М. Базанова, еще в 1915 году в нем постоянно находилось до десяти солдат, которые поочередно дежурили на вараке. В одной из комнат этого дома жили ссыльные революционеры. В караулке не хватало мест для всех ссыльных, и поэтому несколько человек жили в домах крестьян.

С XII века все Беломорье, в том числе и Унежма, вошло в состав Новгородской республики. В 1450 году Марфа Борецкая, владевшая многими землями на Поморском берегу, отдала Соловецким монахам острова в Белом море, Кемскую и часть Сумской волости. После падения Великого Новгорода все беломорские земли перешли во владение московского царя, а вотчина монастыря все увеличивалась. В 1539 году ему была отдана деревня Сухой Наволок, в 1548 году пожалована волостка Вирма, в 1555 году значительная часть волости Сумы и две деревни Колежмы – «деревня на устье Колежмы (реки) да деревня Колежма ж», в 1591 году – волостки Унежма и Нюхча, в 1613 году – Шуя Карельская, в 1635 году – вся Керетская волость «с людишками».

Так Унежма за строительство Сумского острога, крепости в Соловках и другие ратные дела монахов была отдана Соловецкому монастырю. Власть монастыря распространялась на все: землю, лес, рыболовные тони. За пользование всем этим крестьяне должны были обрабатывать пашни, отдавать десятую часть добытого. На всех крестьян велись долговые записи, никто не мог от этого избавиться: за умершего расплачивался не только сын, но и внук. Монастырь крепко держал крестьян в кабале. Но не все крестьяне вовремя и полностью могли расплатиться с монахами. Тогда появлялись «хозяева», чтобы собрать «долг». Приплывали они на судах и, как стая

---

¹ В 1980-х годах, когда писалась «Страна Помория», караулка, видимо, еще существовала. В настоящее время утрачена. (Примечание составителя).

черных птиц, высаживались на берег, требуя уплаты долгов. Но у крестьян закладывать было нечего, и тогда монахи кидались в избы, амбары, чуланы, подклеты, забирая все, что имело какую-нибудь ценность. Уходя говорили, что за тем-то и тем-то осталось еще столько-то долга. Ослушников строго наказывали вплоть до битья батогами и плетьюми. Власть монастыря продолжалась до XVIII века. Только при Екатерине II крестьяне Унежмы стали «государевыми». Но влияние монастыря на жизнь крестьян было еще огромно.

Первоначальное поселение на Унежемском наволоке, как я уже писал, возникло около Великой вараки, на возвышенности, где сейчас стоит церковь и несколько добротных домов, пригодных для жилья. Трудно сказать, кто был первым поселенцем. Как этих людей называли, какие у них были прозвища? Может быть, ими были Евтя, Епифан, Ульян, имеющие старославянские имена, или может быть пришелец с прозвищем «Куколь»? (Куколь – название монашеского головного убора). Возможно от этих имен и прозвищ появились фамилии наших предков – Евтюковы, Епифановы, Ульяновы, Куколевы, Акиловы, Тюрдеевы, сохранившиеся в наибольшем количестве до наших дней. В 1930 году Куколевых в Унежме было 20 семей, Евтюковых – 12, Ульяновых – 11, Епифановых – 6, Тюрдеевых – 8, то есть намного больше половины всех семей, а их было в то время сто одна. Еще одна фамилия, и немалочисленная, Варзугины. Их было в деревне 12 семей. До наших дней у некоторых Варзугиных сохранилось прозвище «Варза», которое, видимо, послужило основой для образования фамилии пришельцев с Терского берега из села Варзуги, разгромленного опричниками Ивана Грозного в 1568 году. Тогда многие варзужане, спасаясь от кары царя, покинули свои насиженные места, свое село, и разъехались по другим селам Беломорья. Кто-то из них избрал своим новым местом жительства Унежму.

Наиболее малочисленными были фамилии Фроловы и Семихины – по две семьи, Лукинские, Демидовы, Галашкины и Бабины – по одной. Эти семьи, как и Варзугины, появились в более близкое к нам время, а некоторые из них (Лукинские) – в начале XX века. Это видно также по расселению: ни одна семья не жила около церкви, все на окраине, на худших местах.

Приведенные примеры говорят о том, что фамилии древних жителей Унежмы появились из имен и прозвищ, как это было в до-

фамильной Руси. Тогда простые люди носили имя, отчество и прозвище, так как сочетание имени с отчеством не избавляло от недоумений при названии человека. Кроме того, применялись словоназвания жителей по месту рождения. Вот один из исторических документов, подтверждающих это: поручная запись 1593 г., которую давала десятка стрельцов, поступающих на царскую службу. «Се яз десяток Тимофей, Евтихеев сын, Пермитин, да его десятка: Федор, Евсеев сын, по прозвищу Житкой, поморец, да Федор, Давыдов сын, Шалам, устюжанин». В данном случае Житкой – прозвище, дополнительный признак в названии человека, а поморец значило, что он родом из Поморья. Прозвища со временем превращались в фамилии: Житков, Комаров, Зайцев, Воронов, Поморцев.

Образование фамилий на Руси как национально-культурно-исторический процесс в основном завершился к XVIII веку. Однако возникновение отдельных фамилий продолжалось в XIX–XX веках. Такой же была судьба и тех прозвищ, которые возникли из названий людей по месту их рождения или длительного проживания. Например, новгородцы упоминаются в «Повести временных лет» за 862 год. В других более близких к нам документах упоминаются москвичи, беломорцы (жители побережья Белого моря), поморы – жители Поморья (на Белом море), каргопольцы (жители Каргополя). Называть место рождения, указывать откуда родом в то время было житейской необходимостью. Редкие из этих названий стали фактами литературного употребления. Например, у знаменитого русского писателя И.А. Бунина в путевых записках «Поморье» читаем: «А на отмели песчаной спит помор, от солнца пьяный».

Необходимость называть людей по месту рождения или длительного проживания возникла в дописьменную эпоху, другие названия рождаются у нас на глазах – с рождением новых городов и поселков, третьи возникнут в будущем. Диапазон слов-названий огромен – от наименования жителей какого-нибудь хутора до названия жителей целых материков (европейцы), от названия древнейших городов (вавилоняне) до наименования фантастических обитателей планет (марсиане). В Поморье, как и везде на Руси, при названии человека указывали место рождения и прозвище.

Жителей Унежмы с давних времен называли унежóмами, Кушереки – кушерéченами, Нюхчи – нюхчáнами. А может быть, правильнее назвать унежемцы, кушереченцы, так как их назвал Г.П.

Гунн в книге «Онега впадает в Белое море?» Обратимся к книгам и послушаем мнение ученых. «Слова-названия жителей – неотъемлемая часть нашего древнего и неувядаемого языка. К ним надо относиться как к фактам истории», – так пишет в своей книге «Москвичи и иных мест люди» Е.А. Левашов, большой знаток русской истории и литературы. Далее читаем: «Не допускайте вытеснения и исчезновения местных, отшлифованных временем слов – названий жителей. Эти названия – ровесники наших городов и сел. Новые названия – жителям новых городов и поселков. Старинные же названия не всегда должны заменяться новыми. Оберегайте их от забвения». Писатель К.Г. Паустовский по этому поводу говорил: «Истинная любовь к своей родине немыслима без любви к своему языку». Значит, не прав Г.П. Гунн: не унежемцы и кушереченцы, а унежомы и кушеречена, так, как называли исстари – красиво и просто.

Хотя Унежма находилась вдали от больших культурных центров: до Онеги 100 км, Сорока еще дальше, но оторванности от жизни страны не чувствовалось. Жители Унежмы почти ежедневно получали информацию о событиях и происшествиях в соседних селах, о жизни в городах. Не было дня, чтобы кто-либо не съездил в

Вопрос о соединении Онеги телеграфной линией с общей сетью страны впервые был поднят в 1870 году, и лишь только в 1884 году состоялось открытие телеграфного сообщения. В сентябре 1910 г. была построена телеграфная линия Онега-Сумпосад, затем продлена до Кемь и Колы. На этой линии, идущей по берегу Белого моря, были открыты почтово-телеграфные отделения связи в Нименьге, Малошуйке, Кушереке, Унежме. (Фрагмент из альбома И.М. Ульянова).

Кушереку или Нюхчу, Сороку, Кемь, Онегу. Езда по тракту, особенно зимой, не прекращалась ни на один день.

Обширная информация поступала с почтой. Со времени установления регулярной почтовой связи, ямской гоньбы (ямы – почтовые станции), с XVI века почтовый тракт шел через Унежму. Другой дороги, кроме поморского тракта, не было. По тракту, кроме почты, везли казенные грузы и людей, ехавших по служебным и государственным делам. Сначала почтовый тракт обслуживали жители деревень поочередно. Потом, в более близкое к нам время, в каждом селе была создана почтовая станция с постоянным двором.

Тракт проходил по Унежме, как бы образуя центральную улицу, огибая наволок. Заходил он в деревню с востока, с Кушерецкой стороны, а выходил на запад, к Нюхче. Почтовую станцию и постоялый двор содержал Варзугин Григорий Павлович. Его двухэтажный дом, обитый досками и окрашенный краской, выделялся среди других. Во дворе, огороженном забором, был флигель, конюшня, амбар, колодец и другие хозяйственные постройки. В верхнем этаже жили хозяева, в нижнем – комнаты для проезжающих. К дому примыкал сарай. На верхнем этаже – сеновал, кладовки, на нижнем – хлевы, двор. Десять добротных коней всегда были наготове для перевозки почты. Десять казаков и казачих обслуживали связь и хозяев дома. Почту по тракту везли без задержек, на перекладных. Привезенную из Кушереки отправляли на лошадях Варзугина до Нюхчи, а поступающую из Нюхчи – в Кушереку.

Содержатель станции был грамотный, начитанный, деловой человек, в прошлом судовладелец, капитан. Ему приходилось вращаться среди многочисленных проезжающих: государственных чиновников, географов, путешественников, писателей, поэтов, следовавших через Унежму почти беспрестанно. Это был холеный хозяйчик, одетый по-городскому. Он выписывал газеты и журналы, в его доме была библиотека, посуда и мебель заграничного производства. Варзугина раскулачили, имущество продали на торгах, дом его остался открытым. То, что не продали – книги, газеты, тряпки – валялось в открытых комнатах. Среди журналов была «Нива» и маленькие, как игральные карты, картонные листы с фамилией, именем и отчеством хозяина дома. Позже я узнал, что это были визитные карточки владельца почтовой станции.

Современники рассказывали, что угощал Варзугин на славу, не забывая себя. Напивался он часто до бесчувствия, кричал, сквернословил, лез драться. Гости уходили, а хозяина связывали по рукам и ногам веревками двое дюжих его сыновей, и оставляли в пустой комнате или на сеновале. Это происходило в двадцатые-тридцатые годы.

А вот как жила Унежма до нас, какой она была, надо почитать книгу С.В. Максимова «Год на Севере», побывавшего в нашей деревушке в 1856 году и оставившем добрую память о тех днях. Он пишет: «Помню, когда, к неописуемому моему счастью, проширкал наш карбас своей матицей-килем для меня в последний раз по кор-

гам и стал на мель, я нетерпеливо бросился вперед по мелководью оставшегося до берега моря вброд. Помню, что с трудом я осилил гранитную крутую вараку, выступившую мне навстречу и до того времени закрывавшую от нас селение. Помню, что наконец осилил я щелья, переполз через все другие спопутные, перепрыгнул через все камни и скалы и, освободившись от этих препон, бежал – бежал в селение. Я не замечал, не хотел замечать, что небо задернулось тучами и сыпало крупным, хотя и редким дождем; я видел только одно – вожделенное селение Унежму – маленькое, с небольшой церковью, которая скорее часовня, чем церковь. Вспомнились мне уже здесь (в Кушереке) таможенные солдаты, бродившие по улицам Унежмы, бабы, ребяташки, мужики, рассказы моего ямщика о том, что здешний народ весь уходит на Мурман, что дома иногда строят они суда и даже лодьи, промышляют мелких сельдей и наваг на продольники; что попадают также сиги, что хлебом пользуются они отчасти из следующего по пути селения Нименьга. Вспоминаются при этом кресты, также по обыкновению поморских берегов расставленные и по улицам покинутой Унежмы. Видится как живой один из таких крестов под навесом, утвержденным на двух столбах. Вспоминаются бабы на полях, подсекавшие траву, перевертывая коротенькую косу-горбушу с одной стороны на другую».

Такой была Унежма в 60-х годах XIX века. Об Унежме конца XIX века прочитаете чуть подальше в выдержках из «Краткого исторического описания приходов и церквей Архангельской епархии», составленного в 1896 г.

Я рассказал об одном представителе имущих Унежмы, но основными богатеями были судовладельцы и лавочники. В Унежме судовладельцев было семь: Акилов Игнатий Павлович, Ульянов Прохор Николаевич, Ульянов Иван Никифорович, Варзугин Иван Кириллович, Варзугин Степан Григорьевич, Евтюков Григорий Егорович, Евтюков Андрей Прохорович. Судовладельцы и их сыновья были судоводителями, имели дипломы «на судовождение».

Большинство судовладельцев с открытием навигации возили дрова на продажу, а из становищ – скупленную рыбу в Архангельск на рынок. Другие занимались перевозкой пиломатериалов из Архангельска, Онеги, Сороки, Кеми в Норвегию, Финляндию и другие места. Бывая в Архангельске и за границей, судовладельцы

закупали товары там, где они подешевле, для себя и для продажи населению. Трое из них имели свои лавки (магазины). Это Варзугин И.К., Ульянов П.Н., Акилов И.П. В их лавках имелось все необходимое: мука, крупа, сахар, конфеты, керосин и другие товары. И хотя унежомы занимались промыслом на Мурмане и неплохо зарабатывали, но жили бедно. Заработки их, добытые с риском для жизни, уходили в карманы скупщикам, судовладельцам, лавочникам. Деревенские богатеи, сосредоточившие в своих руках флот и торговлю, устанавливали очень высокие цены на перевозку рыбы, съестных припасов, заготовливаемых на зиму. Не дремали и лавочники, давали в долг под проценты, за отработку на промысле или сенокосе. Многие, даже середняцкие хозяйства, бедствовали: картошки хватало до Нового года, рыбы – до Пасхи, муку и сахар приходилось закупать втридорога. Но богатеям все было мало.

В 1910 году судовладелец Ульянов И.Н. (наш однофамилец) купил в Норвегии быстроходное парусное судно, скутер, для промысла тюленей в горле Белого моря. Весной его младший брат Константин набрал команду из жителей Унежмы и они, тринадцать человек, в марте отправились в Териберку, где стояло судно. На море был шторм, но капитан принял решение выходить в океан, хотя «Пионер» был пустой, без балласта. Бывалые моряки отговаривали, просили не выходить без груза в море, но Константин был непреклонен. Корабль вышел в океан. Ветер крепчал, все сильнее надувал паруса, клонил пустое, без балласта судно набок. Попадавшиеся встречные рыбаки кричали и махали руками, чтобы «Пионер» вернулся в порт. Но безрезультатно. Судно продолжало идти вперед. Сильный порыв ветра оказался роковым: «Пионер» опрокинуло на паруса и забросало волной. После шторма рыбаки, плавающие в этом районе, были у погибшего судна, сняли медную пластинку с его названием, привезли в становище. Людей никого не нашли. Все тринадцать, во главе с молодым капитаном, погибли. В Унежме тринадцать семей лишились кормильцев – мужей, отцов, братьев, сыновей.

Из этой трагической поездки не вернулся наш сосед Тюрде-ев Иван Ионович – отец трех малолетних мальчишек: Степана, Матвея, Тимофея. Узнав о гибели Ивана, мать и жена чуть не лишились разума. Плач и причитания были слышны по всей деревне. Выйдет на сарай Анна, жена Ивана, и вопит-плачет:

Ох, темнечушко, тошнехонько,
Ой ты муж, кормилец-батюшка!
Ты оставил малых дегушек,
Молоду меня да стару мать.
Закатилось наше солнышко,
За студеным синим морюшком!

Не могла забыть любимого мужа Анна, через год умерла от душевных мук, оставив на руках свекрови-старушки сыновей, а старшему из них было восемь лет. В очень трудном положении оказалась семья Тюрдеевых, да и другие не в лучшем. Эту трагедию мне рассказал П.М. Базанов.

– Ну, а местные власти и правительство помогли чем-нибудь семьям погибших? – спрашиваю я у Павла Михайловича.

– Никто не помог, гроша не дали!

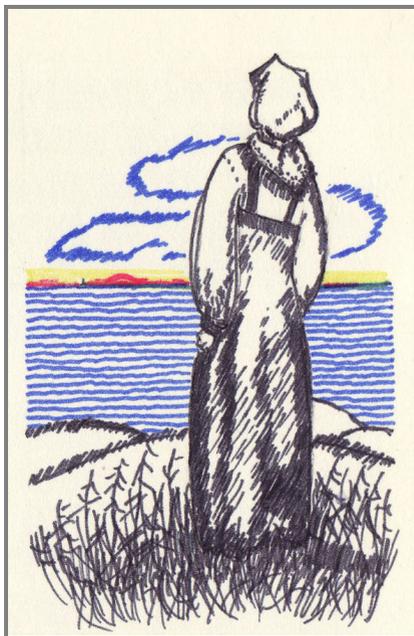
– А судовладелец Ульянов, из-за которого погибли рыбаки?

– Ничем не помог, хотя он имел еще два судна и был очень богат. Помогали соседи и односельчане: кто рыбы даст, кто муки, картошки, иной дров привезет, валенки подошьет.

– Ну, а почему же все-таки погиб «Пионер»? – стараюсь докопаться я до истины у опытного бывалого помора, отдавшего моря более 60 лет, капитана мурманского тралового флота, проработавшего судоводителем более 30 лет.

– Потому что капитан-то он (Ульянов Константин) – скороспелка, молодой и неопытный, нарушил правила судовождения и мореплавания, вышел в океан в шторм, что категорически не разрешается. Как слепец он рвался в горло Белого моря, его гнала жажда наживы – побольше набить тюленей, подороже продать шкуры и сало, потуже деньгами карман наполнить.

– Павел Михайлович, а еще были случаи гибели рыбаков на твоей памяти?

– Были. И я чуть не погиб! Было это в 1912 году. Три унежских шняки июньским солнечным утром вышли на промысел. Выметали ярус, выстояли воду и начали выбирать снасть. Вдруг небо потемнело и поднялся ветер. Пришлось бросить снасть и плыть к берегу, до которого пятнадцать верст. Ветер усиливался, взводень начал заливать шняки. Одна шняка во главе с Варзугиным Григорием кое-как добралась до берега. Вторую опрокинуло волной, людей выбросило в море, и все четыре человека с кормщиком Варзугиным М.Г. погибли. Нашу шняку (кормщиком был отец Михаил Васильевич) залило водой, но мы держали ее на плаву. Пять часов боролись с ветром и волной, а к вечеру шторм стал стихать. Обессиленных, голодных и холодных, нас подобрала колежемские рыбаки и приплавили к становищу, – закончил Павел Михайлович.

В 1914 году началась империалистическая бойня. Пришла она и в Унежму. В первый же год войны забрали несколько мужчин, потом еще и еще. Куколев Осип², Куколев Михаил, Куколев Григорий³, Куколев Иван, Епифанов Михаил⁴, Варзугин Максим – вот неполный список погибших на войне.

Всех участников войны установить не удалось. Только один из них, Варзугин Максим Григорьевич, через много лет, уже при Советской власти, вернулся на родину. Храбро и отважно сражался с немцами наш земляк. Он был награжден тремя Георгиевскими крестами. В одном из тяжелых боев он был ранен и попал в плен. Раненого солдата немцы отправили в Норвегию, а там отдали в работники помещику. Оправившись от ран и освоившись с обстановкой, Максим Григорьевич и его друг Иван решили бежать. Присмотрели суденышко, темной ночью забрались на него и подняли паруса. Несколько дней и ночей без навигационных приборов плыли по морю, их занесло сначала в ледяное крошево, а потом во льды. Лыдины, а вместе с ними и кораблик, принесло к берегу Новой Земли. На Новой Земле робинзоны жили несколько лет, питались мясом морских зверей и птиц. Приехали в Архангельск, когда

---

² Отец Екатерины Осиповны Бездетных (ур. Куколевой).

³ Отец Ольги Григорьевны Куколевой, «хозяйки Унежмы», ее последней жительницы.

⁴ Первый муж М. М. Ульяновой, матери И.М. Ульянова.
(Примечания составителя).

уже закончилась империалистическая война, победила Советская власть. В армию и на войну Максим Григорьевич ушел холостяком. Женился он на Прасковье Прокопьевне Егоровой, когда ему было уже около 40 лет, а его подруге немногим более 20. Несмотря на это, они прожили жизнь в любви и согласии, у них было трое детей.

После изгнания интервентов жизнь в Унежме начала налаживаться. НЭП способствовал развитию торговли и добычи рыбы. Рыбаки приобретали снасти, строили шняки, бота, суда. В 1927 году семь сельчан построили для промысла суденышки. В 1927 году начал строить судно Фролов Андрей Иванович, наш сосед по Заполью. Андрей и Агриппина жили небогато: была корова, лошадь, да пятеро детей. На Варничной вараке они поставили в том же году остов судна, киль и шпангоуты. Жители деревни смеялись над будущими судовладельцами. Про них была сложена частушка:

Дождь идет, дорогу мочит,
Агриппина руль волочит,
А Андрюша в это время
Поднимает паруса,
Чтоб лететь на небеса.

Знали они о настроении сельчан, слышали частушку, но ходили гордые и довольные затеей. В 1929 году всех судовладельцев обложили налогами, потом раскулачили и выслали. Начались колхозы. Видя такое будущее, судовладельцы поскорей уехали из деревни, бросив недостроенное детище. А оно еще долго-долго стояло на щелье, напоминая о смелых романтиках Фроловых.

В доколхозный период, когда осенью приходили с Мурмана промысловики, Унежма оживала. Прибавлялось людей, начинались посиделки, вечеринки, свадьбы. Вечеринки в своих и без того тесных домиках в основном содержали наиболее бедные жители – женщины-вдовы (Куколева Таисия⁵, Куколева Марфа), чтобы хоть как-то прокормить себя и детей. Парни и девушки, посещающие вечеринку, за пользование избой расплачивались с хозяйкой кто чем может: дровами, керосином, мукой, крупой, рыбой, иногда приносили деньги. Девушки занимались уборкой, мыли полы. Ве-

---

⁵ Вдова Осипа Куколева, погибшего на Первой мировой войне.

черинки начинались обычно в семь – восемь часов вечера. Собирались парни и девушки, одетые в самое лучшее, рассаживались по лавкам.

Веселье всегда начиналось с кадрили. Так как музыкальных инструментов не было, ходили под песню. Девушки, не занятые танцами, пели, а пары танцевали. За вечер считалось обязательным сходить в кадрили не один раз, потанцевать с любимой девушкой. Наиболее хорошо одетых, из богатых семей, красивых девушек называли «славнухами». Их было немного, и каждый парень считал за честь проводить ее в кадрили, поговорить, пройти по деревне, подролиться. Но увы... это не всем удавалось.

В перерывах между кадрилями исполнялись песни, частушки, прибаутки, а ближе к окончанию вечеринки парни начинали подсаживаться к девушкам на колени и договариваться, чтобы после гуляния идти вместе домой. Расходились в основном парочками (парень и девушка), чтобы подролиться. Ребята провожали своих ухажерок до крыльца. А те, кто не имел парочки, ходили по деревне, по варакам, около моря, веселились, пели песни и частушки:

Наша Унежма-деревня
У синего морюшка.
Нет порядка никакой,
Из колодца водушка.

Другая группа девушек подхватывала:

Из колодца вода льется,
Льется волноватая.
Мил напьется, раздерется,
Я не виноватая!

Слышны крики ребят, песни да частушки:

Ах ты милая моя,
Сорока белобокая,
Раньше я к тебе ходил,
Теперь – гора высокая!

Расходились поздно. Случалось, веселье и вечеринки омрачали ссоры, ругань, драки, а иногда жестокие побоища. Подвыпив-

шие парни, недовольные друг на друга (в основном из-за девушек), сбивали лампу и в темноте кричали:

– Бей воробьешка-вора!

– Бей зайчат⁶, – кричала другая компания и в ход шли кулаки, ремни, палки.

Жили на деревне два неразлучных друга: Петр и Степан. Решили отомстить обидчикам и, уходя на вечеринку, Петр прихватил в карман нож. На вечеринке он стал придираться к ребятам, ему дали сдачу.

– Бей лампу, Степа!

– Не надо, Петька, не дури!

Петру не понравилось, что даже друг его не поддерживает, и он ножом пырнул Степана в живот.

– Ой! – простонал Степан и упал.

– Он его убил! – завизжали и закричали девушки и бросились к выходу. Петруша зарезал Степана! – слышался крик.

Петр, белый как полотно, стоял посреди комнаты. А его закадычный друг лежал в крови на полу и стонал. Через два дня Степан умер, а Петра судили за убийство, дали срок и увезли отбывать наказание.

Летом, когда все парни были на промысле, вечеринки и посиделки не проводились. Все девушки и женщины работали на сенокосе и свободного времени не было. Очень редко, в большие религиозные праздники – Петров день, Иванов день, Ильин день – не работали на сенокосе. Тогда девушки выходили на лужок, образывали хоровод и пели на голоса:

Во лесочку комарочку

Много уродилось.

Я сама красна девица

Тому удивилась.

Тому-сему удивилась,

Что их уродилось...

---

⁶ «Воробьешки-воры» и «Зайчата» – по-видимому, уличные прозвища, т.е. по сути в этом эпизоде речь идет о драках между соперничающими «кланами» – «улица на улицу». (Примечание составителя).

Мне-ко надобно сходити
До зелена луга.
Еще надо в очи видеть
Любезного друга.

Сердечного, любезного,
Давно не видала.
Давнешенько не видала,
Вечор целовала.

Девушки в нарядных сарафанах и кофтах, в шелковых цветастых платках, в фартуках, расшитых стеклярусом, водят хоровод. Вокруг танцующих – пожилые поморки, старики, дети. В хороводе они не участвуют, смотрят со стороны. Звучит другая поморская песня:

Я нигде-то дружка не вижу,
Ни в долинах, да ни в лужках.
Ни в долинах, да ни в лужках,
Да ни во зеленых полях!

Неторопливо поют девушки, как бисеринки драгоценных камней, слово к слову нанизывают на ожерелье. И вот слышится поэтический незатейливый узор. Песни Унежмы необычайно мелодичны – это старинные поморские песни.

Только видела любезного,
Во Покрове, ввечере,
С вечериночки любезного
Я звала дружка домой.

Много песен знали и пели в Унежме. Но эта – «Я нигде дружка не вижу» – особая. Исполняется она в движении. Спешат ли женщины встречать мужей, идут ли на лов наваги или едут – песня лучший помощник выразить чувства. И родилась-то она, как и все народные напевы, из самой жизни. В бесхитростных словах – тоска по ушедшим на далекий мурманский берег рыбакам, с ранней весны и до самой осени.

Тяжело поморам на Мурмане. Рвется сердце к любимой, но далеко еще до конца навигации. Хоть бы восточку сердечную пере-

дать, да узнать: как живет, ждет ли домой любимая. И это нашло отражение в песне:

Товарищ, дружок мой,
Не поедешь ли, товарищ мой, домой,
Не увидишь ли сударушки моей?
Скажи любушке с любовью низкий поклон.

Унежемские песни! Они неповторимы. То, что здесь поют, не знают в Нюхче и Кушереке, Нименьге и Сумпосаде. Или словами они отличаются, или мелодией. Когда-то унежомы сами сочиняли песни, а потом они, как птицы, разлетелись по всему побережью. Песни Унежмы... Они красивы и поэтичны, как красива земля унежемская.

***

Мои первые детские впечатления относятся примерно к пяти годам. В то памятное утро, как и всегда, я проснулся рано. Мать только еще начинала греметь горшками и чугунами, а в печи потрескивали дрова, выбрасывая брызги искр. Я сидел на лавке и смотрел в окно. Смутно виднелись дома, Великая варака, а на земле лежал первый мокрый снег.

– Ваня, ты сегодня именинник! – сказала мне мать.

– Какой я именинник?

– Ты родился о Казанской. Это осенний праздник, и всегда будешь праздновать свое рождение в этот день. Сегодня я тебе пеку калач!

Известие о калаче напомнило мне, что я давно не ел. Вечером без ужина заснул на печке и теперь хотелось есть. Мать сварила картошку на шаньги и велела мне ее чистить. Это я делал не впервые. Работа мне нравилась еще и потому, что можно было подкрепиться. Потом, когда готоваястряпня была на столе, я увидел калач, который, помазав маслом, мать отдала мне. Я им долго играл, катал, как колесико, прятал, а потом, когда все это надоело, вместе с братьями Мишей и Митей съели.

На улицу ходить почти не приходилось. Не было обуви и одежды. Когда старшие братья были дома, я хватал их валенки, пиджак и убегал.

Иногда мать мне говорила:

– Сходи к бабушке, навести ее!

Идти надо было через всю деревню, за церковь. Дом бабушки был последний по ряду, около Великой варачи. Моя бабушка по матери, Евдокия Корниловна Евтюкова, жила с сыновьями Михаилом, Дмитрием, Иваном, Алексеем. Кроме них у бабушки было две дочери: моя мама Мария Максимовна и Антонина Максимовна, обе замужние. Пройти к бабушке непросто было: по дороге часто ездили и могли сбить, бегали мальчишки-забияки, лаяли собаки. Самый трудный участок – от церкви до дома Базановых. Четверо парней из этого дома затевали драки, избивали. Когда у обиженных не хватало сил, они убегали и дразнились:

Филя-значит

По полю скачет,

Простокишу лачет!

Заслышав дразнилку с руганью отца, Базановы преследовали побитых, иногда догоняли и добавляли синяков и шишек. Их отец, Филипп Савельевич, почти к каждому слову применял слово «значит», за что его прозвали «Филя-значит». Мужик он был хозяйственный, грамотный и деловой – закончил мореходное училище и плавал капитаном по найму на чужих судах. Хотя я их не дразнил, они бросали в меня снегом, палками, толкали, ставили подножки. Я вырывался – ноги меня спасали.

Бабушка встречала ласково, садилась за стол, утешала молоком и шаньгами. Деда Максима я не помню, он умер рано. Потом я возвращался домой все через тот же кордон Базановых.

Проходила темная, холодная, снежная зима и наступала весна. Отец со старшими братьями ранней весной уходил на «вешнюю» – на Мурман ловить треску. А мы, самые малые, оставались с матерью.

Нелегкая жизнь была у моей мамы. С тринадцати лет она начала ходить по найму, по казачихам. Что заставляли хозяйева, то и делала: косила, навоз возила, дрова пилила, белье стирала, нянчилась. Да разве все перечислишь? Заставляли делать самую тяжелую и опасную работу – ведь казачиха все равно что батрак. Когда ей было 16 лет, косой-горбушей она сильно порезала руку, много кро-

*Мария Максимовна Ульянова.
Фото нач. 1950-х гг.*

ви потеряла, болела все лето. В 19 лет вышла замуж за Епифанова Михаила. Жизнь с мужем была недолгая – Михаила взяли на империалистическую войну в 1914 году. Через некоторое время пришло известие, что он ранен. По ранению отпустили домой, а потом опять в окопы. Так и погиб он на войне, а мать родила девочку, которая вскоре скончалась.

В 1918 году мать вторично вышла замуж за Матвея Максимовича Ульянова, который через год стал моим отцом. Выйдя замуж, мама приняла пятерых ребят от первой жены отца Анны Семеновны, которая умерла «в испанке»⁷.

Вся деревня удивлялась, как это Марья Максимовна не побоялась выйти замуж за пятерых парней, да еще муж на 15 лет старше? Не побоялась, потому что другого выхода у ней не было. В доме родителей, после смерти мужа и дочки, она была лишним ртом. Или идти по казачихам, гнуть спину на чужих людей, или быть хозяйкой дома. Мама решилась на последнее. Трудно ей было в 23 года с пятью ребятами, но выходила всех. Самый маленький, Дмитрий, годовик, звал мамкой, старшие слушались, помогали во всем. Мама была среднего роста, лицом я полностью похож на нее. Увидя меня с матерью, односельчане часто говорили: «Ваня-то вылитый в тебя, Марья Максимовна!»

Основную тяжесть во всем нес отец. Летом он был на промыслах, зимой делал рамы, двери, бочки, кадушки, сани, телеги; плотничал, пилил доски – он был мастер на все руки. Когда от вто-

---

⁷ Испанка – вирусная болезнь, свирепствовавшая в 1918-м году не только в Поморье, но и по всему миру. Ее распространили возвращавшиеся с Первой мировой войны солдаты. Болезнь добралась даже до такой удаленной страны, как Австралия, где на старых кладбищах сохранились целые участки с памятниками, датированными 1918-м годом.

рого брака родился я, шестой парень, на деревне говорили: «Ну и мастер Матвей Максимович на ребят!»

С восьми лет отец начал ходить на Мурман с отцом и с братьями Иваном и Александром. Потом царская армия. Вернулся с японской войны с тяжелым пулевым ранением в бедро. Женился в 1905 году, построил дом и появилось у них с Анной Семеновной пять парней один за другим.

В 1918 году в Поморье ходила «испанка», косила старых и малых. Анна стала жертвой испанки, оставив мужа с пятью малыми детьми. Женился отец второй раз в 1918 году на моей матери, Марье Максимовне. Он был среднего роста, крепкого телосложения, спокойный, но требовательный. Рука его чувствовалась во всем, что ни скажет – выполняй. Обычно вечером за чаем он по-деревенски рассуждал, что надо сделать завтра, кому предстоит какая работа.

После того, как мужчины уходили на промысел, вся работа ложилась на плечи женщин. В Поморье больше чем где-либо женщинам приходилось брать на себя всю тяжесть по ведению домашнего хозяйства. Наступало лето и все полевые работы – сенокос, уборка урожая – ложились на их плечи, в селах на это время оставались дряхлые старики да ребяташки. И может быть то, что поморки привыкли рассчитывать на свои силы, и определило независимость их мышления, поступков, какую-то особую внутреннюю силу.

Поморки... Какие только беды и тяготы не выпадали на их долю! Они раньше времени седели, не дождавшись с Мурмана мужей, и не так редко это случалось!

Предметом особой заботы женщин-поморок был сенокос – ведь без сена не удержишь ни коровы, ни лошади, ни овец. А без скота, особенно без коровы, на Севере не прожить. Сенокос в Поморье – совсем не то, что в южных областях. Луга жалкие, хорошей злачной травы мало, в основном осока да хвощ, которые без муки скот есть не станет, а мука – продукт дорогой, привозной. Накосить сена надо было много: ведь у нас была лошадь, жеребенок, две коровы, овцы. Терeba и пожни находились далеко от деревни: Кустна-волок за пятнадцать верст, Сенное – за десять. Работали там косцы по неделе, домой приходили на воскресенье, чтобы помыться в бане. На местах сенокосов были избушки, шалаши. В них обычно ночью спасались уставшие работницы от комаров и мошки. Комары и мошки – страшные враги косцов: их так много, что не будь накомарников, прикрывающих лицо, было бы невозможно выдержать пытку. «Хоть вопи», – говорили косцы. Косили все, кто мог: женщины, подростки, старики, старухи. Косили горбушами, т.е. большими серпами, от правого плеча к левому, от левого к правому, все время согнувшись, обвязав голову от комаров и мошки. Косьбу начинали обычно рано утром, а когда солнце подсушит росу, начина-

ли складывать в зароды то сено, которое подсохло. Для зародов выбирали место посуше и повыше, вырубали высокие жерди на стожары и забивали их в землю, одна от другой на расстоянии около метра. Сено, уложенное между жердями (стожарами), называли заколиной. Когда выкосят сено на реке, около деревни, принимаются за болото и берег моря. Рубили горбушами болотную траву, стоя по колено в воде. Болото колышется под ногами, летят и кричат утки, выются чайки, а женщины с подоткнутыми юбками и сарафанами, в упаковках (обувь – головки кожаные, а голяшки парусиновые или мешковина) целый день стоят в воде и рубят траву. Собирали траву до поздней осени.

Следующие за сенокосом работы – уборка ячменя, затем картошка. Позже осенью, в сентябре, копали и сушили червей для зимнего лова наваг. Одной маме было не под силу управиться дома и накосить сена для скота на всю зиму. Поэтому родители нанимали работницу (казачиху). Несколько лет подряд у нас в казачихах жила молодая девушка Аня, она помогала матери.

Много раз мать брала меня на сенокос. Вечером она говорила:

– Завтра пойдем на сенокос, ложись спать, буду рано будить!

Утром она меня будила и мы втроем шли по росистой траве. Прохладный утренний воздух разгонял дрему, бодрил. Придя на сенокос, мать и Аня начинали косить, а когда подсохнет сено, я помогал носить его к остожью, собирал порицы (палки для подпорки зарода), рубил когачи. Меня, как никого другого, съедали комары, и много времени уходило, чтобы отогнать их. В воскресенье все отдыхали.

В один из воскресных дней мать вытащила из ящика кусок красной материи и говорит:

– Надо Ване сшить рубашку!

– Тетя Маня, раскроите, а я сошью, – говорит Аня.

И Аня начала шить. Я не отходил от нее, смотрел, как она ловко орудовала иглой. Я ждал с нетерпением: ведь это была моя первая рубашка. До этого я носил обноски моих старших братьев. Наконец рубашка была сшита, одета на меня, а потом убрана в ящик. В Петров день мне было разрешено надеть красную рубашку с пояском. Моя душа пела, ноги сами скакали. Я бегал с ребятами

по Заполю, показывал всем обновку, потом мы пошли на вараку, затем в поля рвать кислицу. Домой бежали прямо через огороды. Я бежал, торопился, но отставал от ребят. Когда слезал с ограды, рубашка зацепилась за сучок и затрещала. Домой я шел грустный: боялся, что получу порку, а еще больше было жалко рубашку. Но все обошлось хорошо: мать не ругалась, а Аня зашила дырку на подоле, и я еще долго носил ее по праздникам.

Когда мне было лет семь, в 1927 году, около нашего дома развернулась стройка. Отец с Федором и Алексеем каждый день уезжали в лес, а оттуда привозили кривые деревья. Потом я узнал, что это кокоры для ботика. Около дома они тесали, пилили, строга-ли, а потом появился скелет суденышка, к нему стали прибивать доски, и мало-помалу появлялась большая лодка. Отец торопился, ботик надо было построить к открытию навигации на Белом море и уплавить на Мурман, чтобы на нем в том же году ловить треску. Работали на постройке ботика все, кто мог. Помогали дядя Иван и Александр.

После обеда брат Михаил сказал мне:

– Пойдем к ботику, будешь помогать, я буду клепать, а ты с другой стороны держать молотком заклепку.

Он показал где и как держать молоток и ушел в трюм судна, пробил гвоздь, поставил шайбу и стал разбивать гвоздь. Я держал молоток на шляпке гвоздя, но он при ударе соскакивал с заклепки.

– Крепче держи! – кричал он из трюма. Я очень старался, но молоток соскакивал. Видя, что я не справляюсь с работой, Миша заставил меня собирать щепу, а клепать стал с Дмитрием.

На стройке иногда появлялся дядя Миша, осматривал ботик, разговаривал с отцом, иногда они что-то чертили на доске или снегу. Позже я узнал, что дядя Миша – это Базанов Михаил Васильевич, корабельный мастер. Он сам делал чертежи будущего судна, потом модель, а по ней строили судно. Никто в Унежме не мог обойтись без помощи и совета Базанова. По его чертежам и при его участии строили суда Ульянов П.П., Ульянов И.Е., Акилов И.А. и другие судовладельцы.

Не сразу пришло мастерство к Михаилу Васильевичу. Сначала он работал простым плотником, потом подмастерьем. В Кушереке Михаил строил двухмачтовое судно, в Колежме – трехмачтовое. На досуге, а таких минут было очень мало, он делал чертежи, в

его доме был не один десяток разных моделей судов. Это был человек влюбленный в свое дело, самоучка, талант. Он построил себе дом, какого ни у кого из унежомов не было – трехфасадный. Основной фасад выходил на тракт, два других по бокам. В доме была кухня, чайная, передняя, спальня. Все было сделано добротнo, красиво. В 1930 году все Базановы уехали в Мурманск, а в доме поселилась сестра Михаила Васильевича, Хавронья Васильевна, с детьми. После войны она умерла, а дети уехали в Мурманск. Вскоре дом-красавец облюбовали и перевезли в Онегу.

Ботик был готов ко времени. Всей деревней тащили его к морю, а через несколько дней отец с сыновьями уплавил его на Мурман. Поехал на своем ботике и дядя Миша, построив его с сыновьями Иваном и Павлом. В следующую зиму он построил еще один, лучше, удобней.

И опять опустел наш шумный дом. Стоял он почти на самом краю Заполя (район деревни). Тут же, крыльцо в крыльцо, дом дяди Александра. За домом дяди еще два: Анны Евсеевны Евтюковой и Куколева Григория Алексеевича.

Наш дом построен в 1906 году сообща: отцом, дядей Иваном и дядей Александром. До 1906 года братья жили вместе в отцовском доме. Дом моего деда по отцу Максима и бабушки Анны стоял посреди деревни. Их я не помню. В доме деда Максима остался жить дядя Иван. У них с тетей Таней было двое детей: сын Григорий, который был женат на сестре моей матери Антонине, и дочь Валентина. Дом был небольшой: кухня, передняя и маленькая спальня. Дядя Иван, как и дядя Александр, в то время, в 1926–27 годах, не ходил промыслять, жил в деревне из-за болезни. Расплачивались поморы с Баренцевым морем за треску своими жизнями и здоровьем, многие тонули, другие оставались калеками, рано умирали. Дядя Иван, будучи больным, так и не мог бросить пристрастия к рыбе: ходил на реку за щукой, окунем, кумжей. Он выписывал газеты и читал, разъяснял неграмотным мужикам, что скоро будет коммуна. Его за это прозвали «камунистом».

Все братья получили прозвища «Максимовичи» – по отцу. Потом, когда появилась Марья Максимовна, это прозвище навсегда осталось не только за отцом, но и за нами, его детьми. Ведь мы-то были уже Матвеевичи, однако нет – нас тоже называли «Ванька Максимовича», «Толька Максимовича». Даже когда я вырос, по

привычке меня называли Иван Максимович вместо Матвеевич. Кроме того что отец и мать были оба Максимовичи, они родились в один день – 9 августа (по новому стилю 22 августа).

Было у нас другое, не очень лестное прозвище – «кашаеды». Прозвали нас так односельчане за большое уважение к кашам. Каша была постоянным блюдом на нашем столе, в рационе питания ей отводилось почетное место. Ели ее обычно в обед, а иногда утром и вечером, прихлебывая молоко ложками: ложка каши, ложка молока. Все знали наше пристрастие к каше и прозвали «кашаедами».

– Кашаед, кашаед! – дразнили нас мальчишки-сверстники, подравшись или неполадив.

Прозвища были у всех жителей деревни. Нашу соседку Степаниду Андреевну Ульянову прозвали «Никанихой» (муж Никандр), Петра Варзугина – «Варза», Евтюковых Ивана и Петра – «Комариками», была «Англичанка», «Германка», «Королевна», «Ворзогорка», «Масляк», «Пантюха», «Еврейко», «Егоровичи» и множество других. Многие прозвища передавались из поколения в поколение. В народе так и говорили: «Прозванья родом ведутся».

Был и другой, особый вид народного творчества, теперь сошедший на нет – так называемые присловия. Присловия очень близки к прозвищу, но относятся не к одному человеку или семье, а к целой деревне, городу, которыми жителей дразнят, бранят или чествуют. Одобрительная или чаще насмешливо-наблюдательная мысль народа давала жителям той или иной местности, того или иного города или селения прозвище, пускала в ход анекдоты, побасенки, дразнилки, в которых высмеивались истинные, а чаще мнимые черты в характере или поведении людей, такие как «Пошехонцы в трех соснах заблудились», «Зубчане-волочане приходили к нам за щами», «Вятский народ хватский – семеро одного не бояться», «Ржевцы отца на кобеля променяли» и множество других. Особенно много небылиц ходило о пошехонцах, якобы недалеких, доверчивых и глупых людях. Они «за семь верст комара искали», и «мешком солнце ловили», и «с краю не ложатся, а все в середину». Не удивительно, что название жителей Пошехонья приобрело нарицательный характер.

Как и во всей России, в Поморье тоже бытовали дразнилки, побасенки, анекдоты. Начнем с Онеги. Городок этот небольшой, чистый, зеленый, а поговорка о нем нелестная: «В Онеге не было

телеги, воеводу на дровнях летом возили», жителей деревни Ворзогоры называли «куркашами», нименьжан – «фараонами», а на унежомов было составлено двустилишье-дразнилка: «Унежомы не крещены, из ... багром ташены». Присловия, дразнилки, побасенки ушли в прошлое. Многие из них сейчас непонятны. Только единичные из них живут в наши дни – те, которые не несут в себе унизительного смысла.

Я привел примеры насмешливых, обидных присловий для того, что это в целом печальный род устного творчества народа, ушедший в прошлое, тесно связан с тем, что является предметом нашего разговора – со словами-наименованиями жителей. Некоторые присловия сохранили интересные формы, теперь не употребляемые: «Нижегороды – не уроды», вместо теперешнего – нижегородцы. Жители Красноярска называли себя красноярами – «краснояры сердцем яры», вместо теперешнего красноярцы. «Нижегороды», «краснояры» – более древние названия жителей. То же самое можно сказать и об унежоммах. Название жителей «унежомы» – старинное, сохранилось оно с далеких новгородских времен. Будь Унежма помоложе, были бы и мы унежемцами.

Осенью отец со старшими братьями приходили с Мурманна. Привозили муку, крупу, сахар, другие необходимые припасы на долгую северную зиму. Все складывали в амбаре и на сарае. Были тут никогда не виданные мною яблоки, белокочанная капуста, лук.

Когда попили чаю, Михаил позвал меня:

– Ваня, иди сюда, подарок тебе привез!

Он отдал мне сверток. Когда я развернул, то там оказались брюки, новенькие, красивые. Моей радости не было конца. Я их тут же надел, хотя они были навыворот, поднял повыше и весь день бегал в них, а вечером, не снимая, заснул.

Теперь, когда собрались все вместе, дом наш казался маленьким, тесным. Да и был-то он небольшой: кухня, половину которой занимала русская печка, чайная, а в ней помещалась кровать да стол для чаепития, и передняя небольшая – три окна по фасаду. Сбоку к дому были пристроены крыльцо и сени с чуланом, дальше шел сарай, сверху которого был сеновал, а внизу хлевы для коров, лошадей и овец. Сзади дома стояли амбар и баня, около дома колодец, которым пользовались вместе с дядей Александром и деинкой Федосьей (деинкой звали у нас дядину жену).

На первом плане – родной дом И.М. Ульянова, за ним – дом дяди Александра (не сохранился). Фото 1980-х гг.

Крыльцо нашего дома находилось напротив крыльца дяди. У дяди с деинкой было десять детей, но все умирали в младенчестве. Выжила только одна Настя, красивая, добрая, умная девушка. Она была в одних годах с моим старшим братом Федором: вместе ходили на вечеринки, вместе на одной лошади ездили в Нюхчу на зимние гулянья.

Езда в соседние деревни к родственникам, а то и просто к знакомым, была у нас заведена исстари. Ездили, в основном, парни и девушки, иногда молодожены. Настя и Федор тоже поехали в Нюхчу. В деревню они приехали поздно вечером. Нашли «постой» (дом, где останавливались наши родители), но дверь была уже закрыта: хозяева ложились спать. Стали стучаться. Кто-то вышел в сени и спросил:

– Кто там, крещеный?

– Унежомцки постояльцы Федька да я! – выпалила Настя.

– Кто такой Федька да я? Мы таких не знаем!

– Матвея Максимовича да Александра дети, Федор да Настя из Унежмы! – пояснил Федор.

Звякнула щеколда, дверь заскрипела и открылась. Немолодая женщина сказала:

– Андели, Андели! Гости из Унежмы приехали!

– Проходите, проходите, ребята! – пригласил сидевший на лавке мужчина.

В Нюхче они жили неделю, ходили на вечеринки, познакомились с девушками и парнями. Вернувшись домой, рассказали, как гуляли в Нюхче, как просились на «постой». Об их поездке узнала вся деревня. Над «постояльцами» долго смеялись и разыгрывали.

А теперь несколько слов о Настеньке. Ей в жизни очень не повезло. Будучи девушкой, она забеременела от соседа Егора Семихина. Обманул он доверчивую Настю и не хотел жениться. Насте грозил позор, родить ребенка без отца – большой грех, такого младенца называли «заугольником». Настя подтягивала живот, скрывала беременность, но... шила, как говорится, в мешке не утаишь! Узнали дядя и деинка – чуть не сошли с ума. Вся деревня сочувствовала Насте и родителям, а Егорку – бессердечного, самолюбивого, распушенного парня, прозвали Аркашкой. По настоянию родителей ему пришлось жениться. Вскоре родился мальчик. Жизнь Насти с Аркашкой не ладилась: гулял, обманывал он ее до старости, в общем так и остался на всю жизнь негодяем.

Вскоре задумал жениться Федор. Утром он встал рано, разбудил отца. Они сидели в кухне и разговаривали, мать возилась около печки, я лежал, не спал и слушал их разговор.

– Надо идти свататься к Степану Григорьевичу, а то девку уведет Сенька Егоров.

– Которую девку? Ведь у него их три!

– Дусю! – ответил Федор.

– Они ведь богатые, у них судно, а у нас ничего, кроме ребят. Не отдадут они ее! – вступила в разговор мать.

– Отдадут, мы договорились с Дусей, – ответил Федор.

Права была мать: не хотели отдавать дочь Варзугины в нашу многочисленную семью – тогда нас было десять человек! Послали сватов Егоровы. Родители были согласны отдать дочь за Семена, но невеста наотрез отказалась идти замуж за нелюбимого. После этого Варзугину ничего не оставалось делать (девка была в годах), как только отдать ее за Федора Матвеевича. Состоялась свадьба, и в маленьком нашем домике стало одиннадцать человек.

Осенью я пошел в школу. Красная рубашка и брюки, подаренные Мишей, у меня были, а вот обуви никакой. Всю осень ходил

в школу босиком, а потом отец сшил бахилы. Через год в нашем доме появились две зыбки (люльки): у Евдокии с Федором родилась дочка, которую называли Анной, у матери – тоже дочь, Ульяна. Проблема жилья стала еще острее. «Ребята», как называл сыновей отец, не хотели уходить из общего дома, и отец решил строить новый, большой дом.

Зимой началась заготовка леса. Возили и складывали бревна около дома. В следующем году осенью от «старого» дома отпилили переднюю и чайную, разобрали их, и на том же месте впритык стали строить новый дом. Он рос не по дням а по часам, и после Нового года были готовы для жилья кухня, боковушка и чайная. Как только сделали печи, сразу же переселились в новый дом. Места было много, хватало всем.

В 1930 году в нашем селе организовался рыбацкий колхоз. Назвали его «Великое дело». Зажиточных сельчан и судовладельцев обложили налогами, потом имущество продали на торгах, а самих выслали, суда реквизировали. Отца вызвали в сельсовет и спросили:

– Как будете жить, Матвей Максимович?

– Как жил, так и буду жить, богатства у меня нет, а ребят много.

– У вас была наемная сила и вас полагается раскулачить! Если не вступите в колхоз, отберем скот, ботик, а самих вышлем! – отрезал председатель сельсовета.

Наше хозяйство, по тогдашней оценке местных властей, относилось к крепким середняцким, и сельсовет совместно с беднотой после ликвидации кулаков принялся за следующую группу сельчан – середняков. Чтобы не подвергать всех опасности, отец написал заявление о вступлении в колхоз, сдал ботик, лошадь, жеребенка, корову в коллективное пользование. Мы все стали колхозниками.

В первый год существования колхоза мужчины и подростки, как и раньше, весной ушли на Мурман. Вернулись, как обычно, осенью. Привезли немного рыбы, денег получили гроши. Все были недовольны и злы: ничего не заработали. А потом, в конце осени и особенно зимой, началось «великое переселение» в Мурманск. Первыми стали уезжать парни и молодые мужчины. Уезжали ночью, рано утром, чтобы не задержали, чтобы никто не узнал. «Уехал в Ворзогоры за картошкой», или «за сеном» – так поясняли отсутст-

вие человека в деревне. На самом же деле беглец давно уже был на подступах к Мурманску.

Первыми из нашей семьи уехали «за дровами» Алексей и Николай, потом Михаил, через год – Дмитрий. Федор работал продавцом, имел семью и пока не уезжал, но через два года тоже уехал. Почти все парни и молодые мужчины переехали в Мурманск. Остались женщины, подростки, старики и старухи. Мать стала работать в полеводческой бригаде, пахала, косила, возила сено на фермы, городила изгороди, сеяла картошку и многое другое. За работу ей ставили трудодни, за год до 300–350. Она постоянно была передовиком. За трудодни выдавали немного жита, картошки, на собрании торжественно вручали платок или отрез на юбку. О лучших работниках колхоза – ударниках, передовиках – складывали частушки и пели в клубе на вечере. О маме тоже была частушка:

Под окном растет березка,
К свету, к солнцу тянется.
А Ульянова Мария
Лучшая ударница!

Отец работал на путине – ловил рыбу для колхоза, то в Челище, то в Сосновке, иногда около Варничной вараки. Сначала ему давали талоны и деньги за сданную рыбу, а по талонам в магазине муку, сахар, крупу. Потом ничего не стали выдавать: ни денег, ни талонов. Вся семья стала жить на картошке, полученной со своего участка, да на рыбе, выловленной на продольник.

С появлением колхозов пришла в Унежму культурная революция. Был создан ликбез: неграмотных сельчан обучали в школе, других на дому. Но так как религия и грамота несовместимы по понятиям унежемских руководителей, то в Унежме стали перестраивать церковь под клуб.

Местные руководители решили свалить колокольню, несмотря на многочисленные возражения верующих. Снизу ее подпилили и подрубили, чтобы упала. За крест привязали веревку и стали тянуть, но она не падала. Еще подрубили и подпилили, добавили людей и колокольня рухнула.

Церковь, по решению сельсовета, оборудовали под клуб. Сломали иконостас, растащили утварь и драгоценности, выбросили

иконы, сделали сцену, поставили стулья, скамейки – и клуб готов. Сначала мало кто ходил в клуб, а потом, когда стали ставить спектакли и живгазету, появились желающие, вечером молодежь оставалась на танцы и пляски.

Перед войной, когда народу стало мало, и особенно молодежи, в церкви сделали склад, а клуб перевели в дом Филиппа Базанова, где размещался до того времени пограничный пост. В войну на церкви был оборудован наблюдательный пост, второй пост был на реке Челице. Эти два поста обслуживали девушки-связистки. Кроме них, в Унежме размещался взвод ребят-связистов по охране правительственной связи Беломорск-Архангельск. В то время, в 1941–1944 годах, после падения Петрозаводска, связь с центром поддерживалась по проложенной до войны бронзе. В Унежме была оборудована стойка – усилительная подстанция.

Когда кончилась война, церковь из-за неимения строительных материалов стали разбирать: сняли полы, потолки, крышу для ремонта скотных дворов.

Долго для меня было загадкой, когда построена первая церковь в Унежме, да и сейчас не все ясно. Совсем недавно проясни-

Никольская церковь в Унежме. Фото 1980-х гг.

лось кое-что: по данным Донского монастыря (Москва) за 1896 год, где сосредоточены все церковные документы России, значится, что документов о постройке первой церкви в Унежме нет. Вероятно, они сгорели при пожаре в 1812 г.

О том, как горела церковь, рассказывали старожилы: «Церковь загорелась неожиданно, как спичка. Пожар начался внутри, ночью, когда вся деревня спала мертвым сном. Люди проснулись от дыма и пламени, огонь вырвался наружу, с треском пожирая стены и крышу. Сельчане с плачем, мольбой, криком бежали к церкви со всех концов, на ходу молились, тащили в ушатах и ведрах воду и поливали горящую святыню. Женщины и старушки несли молоко, наговаривали на нем, чтобы огонь отступил, бросали в огонь, в бушующее пламя, горшки и крынки. Пламя, говорили свидетели, стало отступать. Но у унежомов кончилось молоко... От церкви остались одни головешки».

Церковь и колокольня в Унежме. Фото В.В. Сулова, 1886 г.

Из «Краткого исторического описания приходов и церквей Архангельской епархии, выпуск III, г. Архангельск, 1896 г., стр. 24, Унежемский приход): «В 1813 году прихожанами на месте церкви, сгоревшей в 1812 году, построена часовня также во имя св. Николая Чудотворца. В 1826 году к ней пристроен алтарь и часовня обращена в церковь, которая освящена 3 декабря того же 1826 года. От пожара уцелела колокольня, которая существует и ныне. Как церковь, так и колокольня деревянные, обшиты тесом и окрашены желтой краской. Церковь однопрестольная (во имя Николая Чудотворца). Имеет вид корабля, одноглавая.

Самостоятельным Унежемский приход считается с 1848 года, а до этого времени заведовали им священники Кушерецкого прихода. В 1890 г. усердием крестьян вокруг церкви устроена деревянная ограда.

В полуверсте от церкви, на Великой вараке, находится деревянная часовня во имя Николая Чудотворца. Часовня эта устроена местным крестьянином Никоном Акиловым в 1823 году по обещанию. Во время болезни он услышал голос: «Коли построишь часовню – выздоровеешь». Акилов дал обещание, после чего стал быстро поправляться.

В 1887 году для обучения детей открыта церковно-приходская школа, помещавшаяся в наемных квартирах, а с 1894 года – в нижнем этаже дома священника. На содержание школы местными прихожанами ежегодно ассигнуется 53 рубля. С 1894 года

В полуверсте от церкви на высокой каменной горе, под названием „Варакки“, находится деревянная часовня во имя Николая Чудотворца, поставленная в 1823 году Никоном Акиловым.

*Для обучения
детей в приходе от-
крыта церковно-при-
ходская школа в 1887
году. С 1894 г. она нахо-
дится в нижнем эта-
же, в верхнем этаже
помещается священ-
ник.*

обучает детей учительница, священническая дочь Анисия Поликина, с жалованием в 120 руб. из училищного совета. Для содержания причта с 1895 года положено жалование от казны: священнику 300 и псаломщику 100 рублей». В то время, в 1895 году, в Унежме было всего лишь 80 дворов, и жителей насчитывалось 259 мужского пола и 295 женского.

Время шло, деревня росла, население увеличивалось, церковь стала мала, и в 1904 году, по рассказу П.М. Базанова, ее расширили, подняли повыше, поставили пять куполов, назвали в честь трех Святителей и Георгия Победоносца. У церкви сохранился вид корабля, стала она пятиглавая. Но новые названия не прижились, так и осталась наша церковь Никольской⁸.

⁸ И в «Кратком историческом описании приходов и церквей Архангельской епархии» и в рассказе П.М. Базанова есть неточности. Подробнее о постройке церкви и колокольни см. книгу Е.Е. Федосеевой «Архитектурный ансамбль Никольского прихода» из серии «Унежма».

Унежемская церковь никогда не была пятиглавой, она всегда имела только одну центральную главку, завершающую кубоватое покрытие четверика. Еще три главки размещались на крыше новой трапезной (на коньке и над боковыми приделами), и одна над алтарем, что и создавало иллюзию пятиглавия. В главном четверике по-прежнему оставался старый Никольский придел, в расширенной трапезной (постройки 1902 года) добавились два новых: Зосимо-Савватьевский (1904 г.) и Трехсвятительский (1910 г.). (Примечание составителя).

Фото В. Плотникова (ок. 1907 г.).

В церкви я бывал в детстве не один раз, мать водила меня причащаться. В ней было просторно, светло, потолки высокие, окна большие. В глаза бросался иконостас с позолотой и резьбой, множество горящих свечей. Теперь, осматривая ее разрушенную, без крыши, потолков и пола, я видел, что новая пристройка подходит вплотную к старой, а зазор между ними заделан досками и засыпан опилками.

Рядом с церковью, шагах в пятидесяти, стояла колокольня, рубленая из бревен, восьмерик на четверике. Как и церковь, колокольня была обшита досками и покрашена белой краской. На колокольне было четыре колокола: два маленьких, средний и большой. По праздникам, в субботу и воскресенье, над деревней разносился их мелодичный звон. Звонили по-разному, кто как умел, но в основном на мотив поговорки:

По маленькой, по маленькой,
Потом и по большой!

В каждой деревне звонили по-своему. Говорили, что в Нью-че звон соответствовал насмешливой песенке:

Трехкопыльны дровни-сани,
У царя кафтан украли!

В большие религиозные праздники: Пасху, Николин день, Рождество на колокольную заходить и звонить разрешалось всем. Звонили как умели, кто лучше, состязались в игре на колоколах.

Кроме Никольской церкви, на Великой вараке, как я уже писал, была часовенка. Весной, по случаю отхода «на вешню» и летний промысел, и осенью, с приходом рыбаков, в ней совершалась служба. Расположена она была на самой вершине вараки, там, где сейчас тригонометрическая вышка⁹. На Средней вараке, на Ивановой горушке, стоял большой крест под крышей на четырех столбиках с оградой. Поставил его в честь Воздвиженья Варзугин Иван Кириллович – дань святым за хороший промысел и удачное возвращение домой.

Рядом, около Ивановой горушки, была школа-четырёхлетка. Она размещалась в доме капитана Ивана Никифоровича Ульянова, покинувшего Унежму в 20-х годах. И.Н. Ульянов работал в Мурманске, был судоводителем на мотоботе «Мурманец» и принимал участие в спасении папанинцев.

*На Средней вараке,
на Ивановой горушке сто-
ял крест под крышей на
четырёх столбиках с
оградкой.
Поставлен он был
Варзугиным Иваном
Кирилловичем в честь Воздвиженья.*

⁹ Вышка сгорела в нач. 1990-х годов во время лесного пожара.

После окончания четырехлетки два года я учился в Нименьге, а седьмой класс закончил в Онеге. Тридцатые годы были трудные: ели мох, мякину, кору. Голод свирепствовал по всему Поморью. Унежомов выручала рыба. Я научился торбовать камбал.

Осенью 1935 года я уехал в Мурманск. Поступил в школу ФЗУ, а в 1936 году ее окончил и стал работать, но каждый год, обычно осенью, приезжал в Унежму в отпуск. В то время председателем сельсовета был Антон Степанович Тюрдеев. Помню, однажды приглашал он меня почитать старые церковные книги и притом заметил, что скоро Унежме исполняется пятьсот лет. Тогда его сообщению я не придавал значения, а потом забыл. Когда вспомнил, было уже поздно: сельсовет ликвидировали, книги частично увезли в Онегу, частично растащили, а председателя уже не было в живых.

Из Мурманска в 1939 году я ушел в армию и вернулся в Унежму в 1946 году с молодой женой. Поездом мы доехали до Малашуйки. Там были наши унежомы, приезжали за продуктами, и мы с ними поехали морем. Был отлив и мы обсохли. Пошли пешком. Вброд перешли реку Кушереку, зашли в Подваженье, поели и двинулись на Сосновку. Перед Сосновкой – огромные базальтовые луды, поросшие водорослями, за ними – Сосновый наволоок. Отсюда, с мыса, в прогалину между двух лесных островков, видна Унежма. Может быть, так же шли первые пришельцы. Понравилось им это место, горы зеленые округлые, и остались они жить на Унежемском наволоке.

От Сосновки до Унежмы идем тоже отливом, босиком, без сапог. Хорошо идти по куйвате, по ровной ребристой поверхности. По всему отливу – чайки, чирки, кулики. В лягах (лужах) лежат медузы, кружки студенистой массы. Прилив нас прижимает к берегу – вода наступала. Вижу, что Рая боится воды, ее тянет к берегу. Но по берегу идти труднее. Я ей говорю:

– Рая, иди рядом со мной!

– Я боюсь, зальет.

– Не зальет, я знаю как идти!

Вода прибила нас к берегу, вышли мы на тракт у Смоленихи. На море была почти полная вода – прилив.

В 1962 году, после длительного перерыва, мы всей семьей – жена, дети и я – побывали в Унежме. Жили у деинки Ираиды Егоровны, жены дяди Ивана по матери. Унежма всем понравилась.

Унежма тех лет – десятка два жилых домов. В то время не было ни колхоза, ни сельсовета, ни почты. Сохранился только магазин да телефон. На лето из Кушереки пригоняли телят на откорм. Жителей насчитывалось до двадцати человек.

В 1975 году, выйдя на пенсию, я и жена приехали посмотреть Унежму. Жили в отцовском доме. Тогда в Унежме было десять постоянных жителей. В Заполье, кроме Алимпиады Петровны Тюрдеевой, жила Анна Федоровна Куколева с сыном Толей, а около Великой вараки, на другом конце деревни, в своих захудалых домишках – сестры Матрена и Анна Николаевны Ульяновы. Недалеко от них – Анна Александровна Куколева, Веня с Ольгой¹⁰, да Иван Евтюков с матерью, да Валентин Симоненко.

Алимпиада Петровна, наша соседка, жила в доме дяди Александра Максимовича Ульянова. Это жена одного из братьев Тюрдеевых – Матвея, отец которых погиб на «Пионере». Матвей Иванович надорвался на работе в колхозе и умер. Осталась Алимпиада с двумя детьми. В хозяйстве ни коровы, ни овец, жила свободно. Сельсовет постоянно посылал ее на лесозаготовки. Оставит у соседей малолетних детей, а сама со слезами на глазах идет рубить лес. На лето приходила домой, работала в колхозе. Дочка вскоре умерла, а сын подрос и уехал в Мурманск. Женился и плавал на судах. Там он тяжело заболел и умер. Схоронила сына и опять вернулась в Унежму. Вышла на пенсию.

Сидим у нас в доме и пьем привальный чай.

– Олимпиада Петровна, ты живешь на самом краю деревни, тебе не страшно?

– Не Олимпиада меня зовут, а Алимпиада, – поправляет меня она с видом знатока русского языка. – А пошто мне бояться, я никому не насолила, – говорит она, намекая на других жителей деревни. – Я никого и ничего не боюсь, пусть все уедут с наволока, буду жить одна. Все равно живу-то среди медведей и волков!

– Да почему же среди волков и медведей! Все вы старенькие и должны жить дружно, помогать друг другу! – говорит жена.

– Поживете так поймете, – отвечает Алимпиада Петровна.

Вскоре водка кончилась, а у нашей соседки ни в одном глазу.

---

¹⁰ Вениамин Петрович Евтюков и Ольга Григорьевна Куколева.

Алиmpiада Петровна Тюрдеева

– Пойду домой, попью настоящего чаю, ваш чай для меня ни чай, а помой!

Мы смотрим с женой друг на друга и не знаем, что делать. Ведь чай Алиmpiаде Петровне я наливал только из заварного чайника – темно-коричневый. Потом загадка с чаем была разгадана: от сельчан мы узнали, что чай она пьет только индийский, заваривая пол пачки в кружку, увлекается водкой и брагой. Зимой на лыжах, а летом пешком ходит в Нюхчу или Кушереку за продуктами: сливочным маслом, мясными консервами, сухим молоком. В магазине покупала муку, крупу, сахар и... горох. Вениамин Петрович смеялся, что Алиmpiада «одна за зиму съела мешок гороху». Хотя в то время на деревне у трех старушек были коровы и они предлагали молоко, но она упорно отказывалась. Когда мы ей сказали, что Анна Николаевна согласна давать молоко, она ответила:

– Не беру и не буду брать ихний обрат!

Молоко мы покупали – не в пример городу жирное, пахучее травами – не права была наша соседка.

Умерла Алимпиада Петровна необычно. Уехала в Малошуйку к врачу лечиться и больше в Унежму не вернулась. Звонила, просила вывезти из Кушереки, но никто не поехал – была сенокосная страда. Похоронили ее в Кушереке. В течение двух лет умерли Анна Федоровна, Матрена Николаевна, Анна Александровна.

После нашей поездки начались ежегодные посещения Унежмы не только нами, но и детьми и внуками. В 1976 году пешком из Нюхчи пришли Галя и Володя с пятилетней Катей. В следующем году приходили Валера и Саша Мальков. Ездили с нами Дима и Алеша. В 1982 году приезжали Галя, Володя и Катя с двухлетним Павликом.

Я и Рая более всего ездили на моторных лодках, в основном с Вениамином Петровичем Евтюковым. Только один раз, в 1979 году, я ездил один (жена не поехала, испугавшись шторма – годом раньше, при отъезде из Унежмы, в море нас застал ветер, поднялись волны, началась качка, лодку заливало водой). До Нюхчи я ехал, как обычно, на поезде, а оттуда до Унежмы пешком по тракту, хотя по нему дорога дальше и труднее.

За плечами рюкзак, в руках ведро и приемник. Речку Ухту перешел вброд. Вот тут-то я воочию увидел, каким стал наш знаменитый Поморский тракт. Сгнили мосты через речки и ручьи, заросла дорога и канавы кустарником и травой, сгнил настил, появились болотины с застойной, ржавой, вонючей водой. Тракт, так много и долго послуживший поморам, теперь стал не нужен: редко кто проедет или пройдет, некому ходить стало. Его заменила железная дорога, идущая вдоль побережья Белого моря. Но дорога не проходит около моря, а за десять-пятнадцать, а в иных местах и за двадцать километров от него. От Унежмы до железной дороги надо идти по болотам семнадцать километров, а у Нюхчи она под боком – один километр.

Нюхотская половина тракта лучше. Тут есть возвышенности, полянки, а перед Половиной начинается сухая песчаная дорога. На Половине – избушка связистов. От избушки хорошей дороги хватает на час, потом грязь, болото, и так до реки Челицы.

Выбираюсь из болота, иду к морю. До моря тоже плохая дорога: грязь, вода, трава выше роста, а по тракту еще хуже и дальше, чем по морю. По морю до деревни семь километров и идти веселей – видна деревня, и под ногой твердая дорога – куйвата.

Жил, как всегда, в отцовской избе. Ловил рыбу, ходил за ягодами. Времени хватало. Часто встречался с Толей Куколевьм. В тот год он похоронил мать, Анну Федоровну. После похорон на могиле поставил крест и на нем написал эпитафию – стихотворение. Показывал он мне свою тетрадку стихотворных произведений. Я читал и думал: «Толя написал, а я разве не могу?» И тут я начал сочинять стихи, и в первую очередь об Унежме. Вот одно из них – «Родина».

В России мест красивых много,
У нас на Севере – одно:
На мысе Бранница, у моря,
Мое рыбацкое село.

Оно вдали от поселений,
Среди пригорков небольших,
Давным-давно первопроходцы
Назвали вараками их.

И кто б сюда ни плыл, ни ехал,
Он их увидит издали –
Стоят они, как часовые,
На грани моря и земли.

Красивый берег: камни, щельи,
Заливы, луды, острова,
Куда ни глянь – одно и то же:
Вода и неба синева.

О берег бьет волна морская,
Шумит на вараках сосна,
Все это Унежма-деревня,
Все это Родина моя!

Потом появилось стихотворение «Оля»:

Маленькая Оля
Шагает по Заполюю,
Белая головка,
На платъице морковка.

Тогда Оле, внучке Анны Ивановны Кондаковой, было около четырех лет. Ко мне она ходила на качели. Около калитки она стучала палкой и кричала:

Мне откройте двери,
Хочу на качели!

Я открывал двери и вел ее к качелям.

Я ее качаю,
В дом свой приглашаю.
Хоть и малый человек,
А почетней гостя нет!

Потом опять об Унежме:

Унежма – море широкое,
Луды, вдали острова,
Унежма – небо высокое,
Чайки и крик журавля.

*«Маленькая Оля
шагает по Заполью...»*

После этого было еще три четверостишия, которых я не помню, а запись утеряна. Было еще кое-что написано, но оно забыто.

Расскажу подробнее о семейной поездке в Унежму в 1982 году. В начале июля едем. Сначала Беломорск, потом Нюхча. Нас встречает у порога своего дома Нина Петровна Шумилова, у которой мы всегда останавливаемся «на постой» – передохнуть перед поездкой в Унежму.

На голове у Нины Петровны платочек, на плечах телогрейка, на ногах тапочки, лицо доброе, улыбающееся. Нине Петровне седьмой десяток, на вид она крепкая, а внутри вся больная – давление и сердце стучит. На улицу ходит редко, все более сидит дома да лежит.

*Иван Матвеевич Ульянов (слева), Нина Петровна Шумилова
(в центре), Раиса Петровна Ульянова (справа).*

– Заходите, заходите, унежомы! – приглашает она, а сама вся светится радостью. – Дак что порато долго не ехали? Всю морошку без вас соберут!

– Ездили на встречу с однополчанами в Минск, – отвечаем мы.

– Ну ладно, раздевайтесь, будем чай пить! – говорит Валя, дочь Нины Петровны, которая уже успела поставить самовар.

Сидим, пьем чай и разговариваем, рассказываем о себе, спрашиваем о жизни наших добрых друзей.

– Как здоровьишко-то, Нина Петровна?

– Дак что здоровьишко, скоро уж надо помирать: ноги не ходят, голова болит, сердце стучит.

– В молодости не берегли себя, много сил истратили, вот теперь и болеете, – говорим мы с Раей.

– Было поработано. С десяти лет начала ходить по казачихам, косила, в лесу работала, потом в войну на пекарне воду носила, по сорок раз спускалась и поднималась на Красную Горку с ведра-

ми и ушатом. Дом с мужем вдвоем построили, бревна на себе носили. Думала, износу не будет.

Вечером идем к нашей знакомой Феоктисте Михайловне.

– Опять едете в Унежму? – спрашивает она.

– Да, в Унежму, больше некуда!

– Да глушь ведь там, людей-то мало, да плохо добираться!

– В Унежме у нас как на курорте: море рядом, рыбы полно, воздух чистый морской, тишина. Нам нравится в своей деревне больше, чем в Нюхче!

– Нравится так поезжайте!

Феоктиста Михайловна угощает нас чаем с шаньгами, рассказывает со слезами на глазах о своей одинокой жизни. В прошлом году ее единственный сын Василий, надежда и любовь, погиб. Василий Иванович помимо своей основной работы занимался литературной деятельностью, печатался в газетах и журналах. Это был добрый, душевный, умный человек.

Живет Феоктиста Михайловна постоянно в Мурманске. В Нюхчу, в свое родное село, приезжает на лето. У нее половина дома-пятистенка. Вторую половину занимает Александра Ильинична – известный и почитаемый человек в Нюхче. Александра Ильинична еще не старая женщина крепкого телосложения, с сильными крестьянскими руками, немало поработавшими. Будучи подростком, она с отцом ходила на Мурман зуйком. Когда организовался колхоз, корчевала кустарник, распахивала целину, косила сено, была на лесозаготовках, рыбачила в Белом и Баренцевом морях, заменяла мужчин, ушедших на фронт. С войны не вернулось 146 мужчин и опять пришлось рыбачить. За успешную работу в колхозе Александра Ильинична была премирована поездкой в Москву на ВДНХ, что по тем временам было редкостью. Перед уходом на пенсию трудилась в сетевязальной мастерской. Она – племянница погибшего от рук интервентов большевика Евдокима Шумилова. Недалеко от ее дома, на горе, стоит памятник жертвам интервенции.

Перенесемся на несколько десятков лет назад, в 1918 год. В тот год на поморскую землю высадились интервенты Антанты: англичане, французы, американцы. Они захватили Сороку, Кемь, Онегу, а затем все побережье Беломорья. Чиня насилие и расправу, объявили набор в «Добровольческий славяно-британский корпус». Вступившим обещали паек, обмундирование, оружие, землю. Но

поморы не хотели служить и подчиняться оккупантам: уходили в леса, на дальние топи, уводили и прятали скот. Противники советской власти – лавочники, судовладельцы, богатые промышленники – помогали оккупантам: снабжали хлебом, фуражом, скотом.

Житель села Малошуйка Андронов А.М. с сыном Федором и другими изменниками, желая выслужиться перед англичанами, организовали белогвардейскую сотню. Они ездили по селам, агитировали, чтобы жители вступали в их отряд. Мало нашлось предателей, да и те – молодые, несведущие в политике парни, обманутые посулами интервентов. Сотня Андропова терроризировала жителей Поморья, наводя страх и ужас. Белогвардейцы ездили в глубинное село Калгачиху, там разгромили сельсовет, разграбили магазин, издевались и избивали активистов советской власти. Потом они совершили вояж в Нюхчу, где тоже бесчинствовали.

Видя, что местное население против оккупантов, начались аресты. В числе первых в Нюхче были схвачены члены местной ячейки РКП(б): Попов, Шумилов, Божик, Титов, Кичигин, Воронин. За «смутьянство и противодействие властям» ночью 27 февраля 1919 года арестованных погнали за деревню на расстрел. Раненые Кичигин и Попов убежали и скрылись в лесу, Воронин очнулся, когда его стали закапывать вместе с убитыми товарищами, но не выдал себя. После ухода англичан он выбрался из ямы и тайно вернулся в село.

Недолго пришлось хозяйничать англичанам и белогвардейцам в Поморье. В марте 1920 года они бежали. Ехали на лошадях от деревни к деревне, направляясь к Сороке. Торопились, потому что по пятам шла Красная Армия. Из Унежмы в Нюхчу их везли Базанов Павел Михайлович, Евтюков Семен Прокопьевич и Евтюков Александр Егорович – подростки 14-15 лет. По дороге интервенты спиливали телефонные столбы – разрушали связь. Пока они бегали к столбам и пилили их, парни столкнули мешок с сахаром на снег. В Нюхче ребят не отпускали, надо было ехать дальше. Но подростки их провели. Отпросившись поить лошадей на реку, они выехали на Унежемский тракт – и поминай как звали. На дороге прихватили сброшенный мешок, домой вернулись с богатым по тому времени трофеем.

За англичанами бежали белогвардейцы, некоторые судовладельцы, купцы. За ними уносил ноги факторист Могучий. Об этом

рассказывает Павел Михайлович Базанов: «Около полудня он с женой на двух лошадях появился в Унежме. Факторист торопился. Тут же он нанял лошадей и снова отправился в путь на Нюхчу. Две подводы были нагружены баулами, чемоданами, мешками. На первой сидел хозяин, на второй – его жена. Вещи были тяжелые. По дороге из воза в снег упал один баул, мы втроем еле вытащили его из снега и положили на дровни». Убежал воровски создатель сотни Андронов и его сын. Как крысы с тонущего корабля, разбежались припешники оккупантов и белогвардейцев.

Ну, а теперь продолжим разговор о нашей поездке в Унежму. Когда мы шли домой от Феоктисты Михайловны и Александры Ильиничны, слышали разговор двух старушек-нюхчанок:

- Едут опять, варакушники!
- На свою родину-то тянет! – говорит другая.
- Ништо там и есть: в трех домах живут!
- Плохое, да свое! – ответила ей подруга.

На следующий день отъезд. Едем по каменистой порожистой Нюхче. Пороги тут на каждой сотне метров, самый опасный – Копанец, проход узкий, между камней вода кипит, бурлит – смотри в оба, а то опрокинет лодку и разобьет о камни. Наш опытный капитан, побывавший здесь не один десяток раз, благополучно минует все преграды. Проезжаем мимо речки Ухты, мимо Ям, Кильбострова, а тут уже и море, наше родное Белое море.

- Дедушка, а где граница?
- Мы еще не доехали, Дима! – отвечаю внуку.

В Нюхче я сказал Диме, Кате и Леше, что поедем через границу. Теперь они то и дело спрашивают о границе. Проезжаем Кустнаволоку и вот в тумане показывается Корепалка – островок в море.

- Подъезжаем к границе, – говорю внукам.
- А где же она?

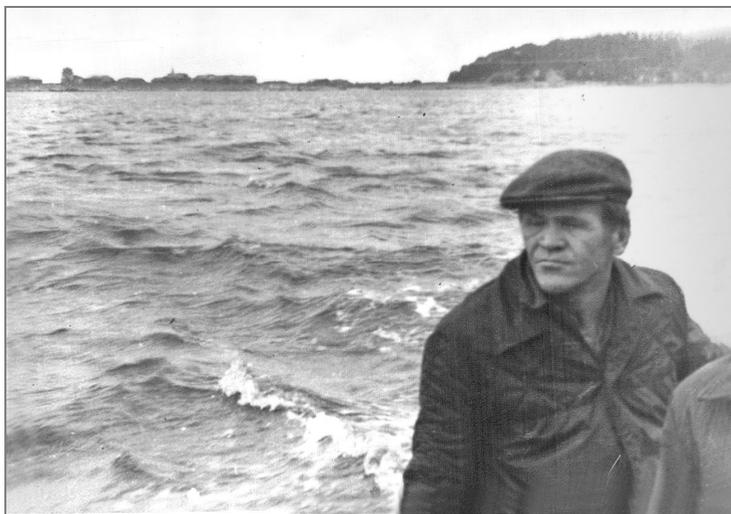
– По Корепалке, вот по этому островку, проходит граница, а потом идет берегом и лесом. Корепалка стоит на половине между Унежмой и Нюхчей. Унежмы говорили, что до Карелии можно добросить палку, если забраться на Великую вараку да хорошенько размахнуться, потому и называли островок Корепалкой.

– А где же пограничники, почему никто не охраняет границу? – спрашивает Димка.

– Потому что граница эта внутренняя, между Карелией и Архангельской областью, а не с иностранным государством.

Долго еще они шумели о границе и о Корепалке, а когда стали появляться вараки, все внимание перешло на Унежму.

На корме карбаса с рулем в руке сидит Вениамин Петрович и зорко смотрит вперед – не наскочить бы на мель или подводную луду, не повредить бы карбас. Веня – коренной унежом, тут он родился и вырос. Лицо у него загорелое, спокойное, с глубокими морщинами – следами нелегкой рыбацкой жизни. Когда ему не было десяти лет, отец погиб на Мурмане. На руках матери осталось четверо малолеток. Хватили они голоду и холоду: ни обувь, ни одеть. Подрос, окреп малость Веня и пошел рыбачить, чтобы быть сытым. Ходил на зверобойный промысел, рыбачил и собирал водоросли, был монтером связи. Теперь, когда ему за пятьдесят, возглавляет рыболовецкую бригаду: весной ловят селедку, осенью – камбал и наваг. Не уехал из Унежмы, как другие, остался верен родине. Теперь он тут и связист, и продавец, и доверенное лицо всех районных властей. Без него не решается ни один вопрос, он – глава и начальник Унежмы. Он да Ольга Григорьевна сохранили Унежму, не дали ее закрыть.

Вениамин Петрович Евтюков.

Проезжаем Цельनावолок, Вайхлуду, Камбалий остров и причаливаем к щелье. Первым ступаю на родную землю и кричу:

– Здравствуй, Унежма!

Все подхватывают на разные голоса:

– Здравствуй, Унежма! Здравствуй, море!

Петрович смеется, а у ребятишек горят глазенки – любя им деревня! Полюбили они море и вараки, рыбалку, ягоды. Димке и Лешке еще дома снилась Унежма, Катя хоть ночью согласна ехать в деревню. Саша Мальков, побывавший один раз в Унежме, всегда с радостью вспоминал дни, проведенные на нашем наволоке.

Я спросил у ленинградцев, отдохавших в деревне:

– Что вас тянет сюда, чем нравится это пустое место?

– Тишина. Мы отдыхаем тишиной! – отвечали они.

Да, точнее не придумаешь – в Унежме глубокая тишина, ни паровозов, ни автомашин, ни радио. Даже тележного скрипа не услышишь – на всю деревню ни одной лошади. Днем на берегу моря гомонят чайки, на вараках – вороны. Иногда на вечерней заре закрикают утки, пролетят гагарки, закурлыкают журавли. Детский смех и крик тоже услышишь редко, и то летом от привозных детей. В шторм можно услышать шум сосен на вараках да морской прибой. Летом штормы редко бывают, а шум от сосен и моря легкий, успокаивающий, убаюкивающий. После городской суеты и толкотни здесь, кажется, настоящий рай, лучше не придумаешь.

Мы приехали, идем по песчаному берегу домой. Вот Красная Лудушка, а вот и Средняя варака. Идем по тропинке, протоптанной в траве, к Ивановой горушке, колодцу Базановых, Семихинскому колодцу, мимо нашей баньки. Все знакомо: каждая тропинка, камень, куст, дерево. Сюда, в свою разрушенную деревушку, тянет как магнитом. Так и хочется выразить нахлынувшие чувства словами поэтессы Е. Погодиной:

Не знаю, почему с годами
Так сердце рвется в те места,
Где перед детскими глазами
Жизнь начиналась чудесами,
Была наивна и проста...

Казалось, детства свет далекий
Затмила жизни суета,
Но чем длиннее жизни сроки,
Тем притягательней истоки,
Милей родимые места.

А вот и наш отчий дом.
Присел он немножко, покосился,
но хорош еще. Гниют бревна,
особенно нижние венцы, плоха
стала крыша.

Входим в дом. На бревне, на самом виду, у двери вырублена топором дата его постройки: 1929 год. На многих бревнах инициалы отца: «МУ».

Стоит еще «старая изба», вернее только кухня, в которой жили до 1929 года. В этом доме, вернее в хлеву, как рассказывала мать, появился на свет я, тут родились мои братья и сестры, тут мы жили под крылышком родителей. С него, с этого дома, начиналась наша малая Родина. Как и у всех людей, в нашем сознании появилась изба, потом дом, потом все около дома, затем поля, лес, море; наконец дальние места: речка, острова, ручьи, болота. А далее – весь свой край, а далее – вся страна, и еще далее – весь мир.

Фото 1962 г.

Также мы познаем и людей. Сначала мать и отца, потом братьев и сестер, родственников, жителей деревни, а потом многих соотечественников, наших друзей. Но в нашем сознании всегда особо выделяется группа людей, которых мы называем земляками. Земляки – это жители одной земли, одной деревни, одного района, города, области. Люди, которых мы тепло и доверительно называем земляками, все равны перед нашим сердцем. Но все же земляк, чем-то прославивший нашу малую родину, нам особенно дорог, и всякий раз, когда заходит разговор об отчём крае, мы с гордостью проносим его имя.

Заходим в кухню, потом в боковушку, затем в чайную. В доме все так же, как в дни моей юности: печка, лавки, умывальник, обеденный стол. Посуды, белья и постельных принадлежностей нет, но это не беда. Хорошо, что дом цел, да есть печка, а могло быть и хуже.

После войны мать уехала в Мурманск и дом был брошен на произвол. Упала печка, не было трубы, отсутствовала баня. Выйдя на пенсию, старший брат Алексей Матвеевич стал ездить на отдых в Унежму со своей семьей. Починил печку, выложил трубу, построил баню. Много лет Алексей и Антонина Ивановна с детьми, внуками, зятьями ездили в деревню, ловили камбал, собирали ягоды и грибы. Рыбачил, в основном, Алексей Матвеевич, ягоды и грибы на вараках заготавливала Антонина Ивановна с детьми и внуками. Их ели сколько могли, сушили, солили, заготавливали впрок, ведрами увозили в Мурманск. Чтобы насобирать так много грибов, надо было время и силы. Но соседи и сельчане не ценили этой работы, считали забавой и называли Антонину Ивановну «барыней».

– Какая я барыня, – говорила она нам, когда мы собирались ехать в Унежму, – если наносила и наварила два ушата грибов!

Отдыхали и загорали Ульяновы больше всего под Средней Варакой. Место это было выбрано не случайно. Здесь всегда много солнца, света и тепла, потому что с трех сторон оно защищено от холодных ветров. Тут же около лужайки была качалка для детей, устроенная на сосне. Под варакой через лужайку проходит дорожка. За дорожкой и лужайкой ревностно следила Антонина Ивановна, она ее очищала от шишек, иголок, мусора, чтобы можно было ходить босиком. За любовь к природе, к родному краю жители Заполя называли эту тропинку бульваром Антонины Ивановны.

Долго они ездили в Унежму. Сначала на парусной лодке, потом купили мотор. Счастливым и радостным поездкам не было бы конца, но заболел Алексей Матвеевич. Последний раз его привозили, что называется, на носилках. Через некоторое время умер Виктор – зять Антонины Ивановны, любитель Унежмы. И опять в дом никто не стал ездить. Когда мы приехали в 1976 году, печку топить было нельзя – развалился боров, текла крыша. Ежегодно приходилось заниматься ремонтом то дома, то бани.

В 1982 году, когда я был в Унежме последний раз, постоянных жителей было пять человек: Вениамин Петрович с Ольгой Григорьевной, тетя Лиза с Иваном Петровичем да Валентин Симоненко. Всего пять! А сколько людей жило здесь у студеного серого моря! Об этом напоминает кладбище. Кресты, кресты, повалившиеся, сгнившие, ими занято все расстояние от Варничной до Средней вараки. Тут покоится прах моего отца, дедов, дядей, деинок, многих-многих родственников.

Елизавета Федоровна Евтюкова (слева) и Таиса Ивановна (справа).

Летом приезжают отпускники, пенсионеры, родственники, заселяются еще десять-двенадцать домов и население доходит до 20–30 человек. В Унежме становится веселее, особенно в солнечные дни: море спокойное, голубое и серебристое.

– Теперь-то хорошо, много людей. А зима-то темная да длинная, завалит снегом – не пробрести. Волки бегают по деревне, – говорит тетя Лиза.

– Около нашего дома стая волков бегала, ночью сидел с ружьем у окна, хотел подстрелить, – вступает в разговор Иван Петрович.

– У Веньки кота задрали волки, – говорит тетя Лиза. В прошлом году медведя видела на Средней вараке. Стоит на задних лапах и смотрит на склад – почуял видно рыбу, полакомиться захотелось селедкой. Осенью приезжают мужики с ружьями, палят на вараке, у моря, на реке, в полях. Всех уток и гагарок прикончили, последнего кулика стреляют.

Права тетя Лиза: волки и летом бегают около деревни. Пока мы жили, от волчьих зубов погибло семь колхозных телят.

Тетя Лиза – мать Вениамина и Ивана – восьмидесяти лет, живет в своем доме с сыном Иваном. Время и тяготы жизни согнули и иссушили ее: лицо в глубоких морщинах, руки сухие и жилистые. Молодой женщиной осталась она без мужа с четырьмя малолетними детьми. Пережила голодные и холодные годы. Всю жизнь работала в колхозе, на сенокосе, на ферме, была пастухом, конюхом, рыбачила. Сейчас в ее хлеву две коровы и телка, овцы. Управляется со всем хозяйством, а летом косит траву горбушей и складывает в зароды. Но основную работу по заготовлению сена выполняет Иван Петрович. С утра до вечера он косит и косит, а потом сгребает и складывает. Весной, начиная с конца апреля, он вместе с Вениамином и Валентином на Лехлуде ловит селедку и сдает Рыбкоопу. Осенью заготавливают дрова, собирают клюкву, ловят камбал, в общем, все работы на их плечах, а их в деревне немало.

В Унежме живем уже несколько дней. Рядом с нами в доме живет Анна Ивановна с дочкой и внучкой, далее Толя Куколев в материнском доме, справа Варзугина Прасковья Прокопьевна, за дорогой Куколева Варвара Фоминична с дочкой, зятем и внуками. Вот и все жилые дома Заполя. Кроме этого есть нежилые, вернее

Один из жилых домов в Унежме.

остатки домов – дяди Александра, дяди Прони без крыши и окон, покосившиеся; Евтюкова Василия Сергеевича – наполовину разобранный на дрова, без крыши. Вот и всё Заполье. Теперь оно как бы отдельно от центра, как хутор. Иногда так и называют: хутор Заполье.

По тракту – по дорожке, протоптанной в высокой траве – до ближнего нежилого дома судовладельцев Ульяновых не менее двухсот метров. Тут же рядом еще один нежилой дом Тюрдеева Семена. За поворотом тракта к Нюхотской стороне еще один нежилой дом. В нем жила Епифанова П.Г. с дочками Ирой и Надей. Ранее этот дом принадлежал волостному писарю Епифанову Алексею, был обит досками и покрашен, считался одним из лучших в деревне. Сейчас осел, сгнил, в него на ночь сельчане закрывали овец. Между домом Тюрдеева и Епифановых пустое место вплоть до церкви.

На первом ряду, около моря, сохранился дом Мартемьянова Александра, который с семьей проживает в Нюхче. Его дом как бы проходной двор: кто заезжает в Унежму, тот и живет – связисты,

Дом Варзугиных (не сохранился).

пастухи, туристы, охотники и т.д. Перед его домом место от школы, сохранилось несколько гнилых венцов да печные места. За домом Мартемьянова – дом Акилова Николая, сгнил, осел, накренился, иногда в нем живут туристы.

Затем дом Варзугиных: Августы, Валентина, Федора. Дом красивый, двухфасадный, но здорово гниет, особенно с северной стороны. Августа Ивановна в деревню ездит ежегодно с детьми и внуками. За последнее время Варзугины покрыли дом, сделали баню, новый колодец, завели огород, посадили клубнику.

Слева от Варзугиных – нежилой дом Евтюкова Николая, семья которого проживает в Малошуйке и почти не бывает в Унежме. По тому же порядку большой дом Ивана Евтюкова и тети Лизы, за их домом дача Бездетных Екатерины Осиповны и Григория Андреевича, а еще дальше метров за сто последний дом – Акилова Петра Максимовича. Долго ездили после войны в этот дом Надя и Петр. Жили у матерей Матрены Николаевны и Прасковьи Григорьевны. Тут же жила и Анна Николаевна. Особенно часто в Унежму стали они ездить, когда вышли на пенсию. Но время идет, состарились мамы. Первой умерла Прасковья Григорьевна, затем Матрена Николаевна, осталась Анна Николаевна. К Анне Николаевне стала

Дом Н. Евтюкова (не сохранился).

ездить приемная дочь Зоя Савельевна. Петр и Надя перестали в Унежму ездить, купили дачу около Каргополя, а затем переехали в Костромскую область.

*Анна Николаевна
Ульянова*

Дом Филиппа Базанова (не сохранился).

По узенькой дорожке, протоптанной в высокой траве, идем к церкви. За церковью дом Варзугина Петра – первый дом Подгорья. Подгорье – так назывался участок деревни под горой за церковью. Раньше тут было до 15 домов, а сейчас один, и то валится.

За церковью стоял дом попа, а чуть правей – домик дьячка. Сейчас их нет. За домом дьячка – дом Базанова Филиппа. Базановы все разъехались в 30-х годах, а их дом заняли под пограничный пост, в нем жили пограничники, и на сарае была построена наблюдательная вышка. После войны в этом доме был клуб, а сейчас он как после боя – крыша сгнила, часть ее снесло ветром, потолков и полов нет, дом гниет.

За домом Базановых живут Ольга Григорьевна и Вениамин Петрович. Радушно и сердечно встречают нас хозяева: ведь не виделись целый год. Петрович ставит самовар, Ольга Григорьевна собирает на стол. Появляется рыбник из красной рыбы, печенье, булка, молоко кипяченое. За встречу, за здоровье, за Унежму потихонечку тянем водку, закусываем и пьем чай – терпкий, почти черный.

Ольга Григорьевна – женщина уже в возрасте, небольшого ниже среднего роста, подвижная, сидит около самовара, наливает чай, внимательно слушает, задает вопросы.

– Надолго ль приехали в этом году?

Ольга Григорьевна Куколева

– До осени, до осени, – отвечаем мы наперебой.

– Нет, живите до зимы! – почти приказывает хозяйка дома.

– А ты, – она указывает на меня, – оставайся на зиму. – Будем осенью клюкву собирать, наваг подледных ловить!

– Ольга Григорьевна, осенью и зимой страшно в деревне. Темно, волки бегают, ходят мужики с ружьями и стреляют!

– Я никого и ничего не боюсь, Раиса Петровна. Могу жить одна на наволоке. А им чего бояться, они мужики!

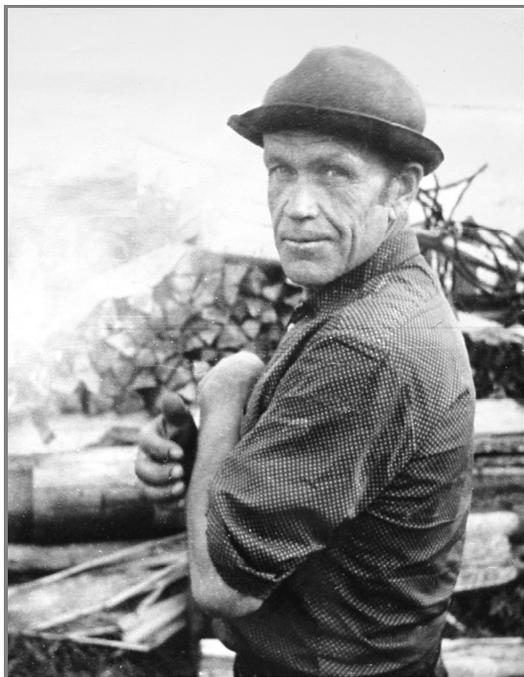
Ольга Григорьевна чувствует себя хозяйкой дома и в деревне. Это она не дала закрыть магазин и снять телефон, звонила в Онегу, доказывала, кое с кем ругалась, спорила и плакала. А когда приехали закрывать магазин, выгнала всех представителей из деревни.

Всю жизнь она провела в деревне. Когда была в пеленках, погиб отец на империалистической войне. У матери ее, Варвары Евсеевны, осталось их трое: она, сестра Анфиса и брат Василий. Бескорвная и безлошадная семья – самая что ни на есть беднота. Трудно было Варваре Евсеевне, но ребят всех подняла. Ольга Григорьевна все испытала, везде поработала: рыбачила, ездила в извоз,

работала в колхозе, была бригадиром. Теперь она ведет свое обширное хозяйство. У них с Вениамином Петровичем две коровы, телка, бычок, стадо овец. Ольга Григорьевна – самый уважаемый человек, хозяйка Унежмы. Везде чувствуется ее твердая рука. Вместе с Вениамином Петровичем они – главные жители, на них держится наволок.

За их домом на берегу моря, живет Валентин Симоненко. Избушка, в которой он живет, маленькая, обнесена бревенчатой изгородью для защиты от холодных зимних ветров. Валька еще не стар,

но один. Сам варит, сам печет, сам стирает, в общем – все сам. Весной рыбачит в бригаде, осенью собирает ягоды и сдает лесхозу, зимой заготавливает метлы. За сданную продукцию получает деньги, и иногда немалые. В 1980 году на клюкве он заработал более пяти сотрублей¹¹, на них кормится, иногда пьет водку. Только в Унежме не выпьешь, нет спиртного – «сухой закон». Водку привозить запретила Ольга Григорьевна, потому что «мужики ведут себя неспокойно». Захочется ему разогнать кровь, и он едет в Малошуйку. В 1980 году он на плоскодонной лодченке совершил плавание, продал морошку – более ста килограмм, и на вырученные деньги купил

Валентин Петрович Симоненко

¹¹ Для справки: месячная зарплата человека со средним образованием в те годы составляла 80-90 рублей в месяц, с высшим образованием 120-140 руб. в месяц. (Примечание составителя).

водки. Нашлись друзья и мало-помалу водка кончилась, улетели денежки. Этого показалось мало и он заложил селедку, опять пировали с друзьями. Привезли его из Малошуйки частники, забрали всю селедку, а его бросили на берегу.

Напротив Ольги и Вениамина – дом Екатерины Евтюковой. Ее, конечно, нет в живых, а в дом иногда приезжали родственники: несколько раз была Гильда, потом с мужем. Вениамин Петрович купил этот дом, поднял его, сложил печи, утеплил, сделал хлевы. Теперь в нем живут охотники, рыбаки, сборщики ягод. Один год жила Алевтина с детьми, жила немного Анна Ивановна, Галина Ивановна с дочкой Жанной и внуком Коляшкой.

Галина Ивановна почти ежегодно ездит в Унежму, нравится ей тут у моря, ходьба за морошкой. За морошкой женщины, как говорится, ходили всем домом: Анна Ивановна брала Олю, а Галина – Коляшку. Оле тогда было четыре, а Коле – не более двух. Приволокут они их на мох, постелят фуфайки да кое-какое тряпье и положат

Группа отдыхающих. Слева направо: Анатолий Куколев, Марина Котцова, Виталий Синецкий, Константин Ильич Куколев.

спать, а они не спят, бродят, ползают по кочкам. С такой малышкой один раз ходили за реку. Набрали морошки и идем по куйвате к реке. Коляшка шагает по лужам, топает, а брызги, как серебро, разлетаются во все стороны. Ему интересно, он смеется. За ним Оля – топ-топ. Так и шли до дому, ни разу не отдохнули.

Ездит в Унежму Жанна, дочь Галины Ивановны. Марина – племянница Анны и Галины – каждый год гостит у Ольги Григорьевны. Рисует вараки, море, ходит с маленьким мольбертом, купается, загорает, живет в Унежме все лето.

По порядку, за домом Ольги Григорьевны и Вениамина Петровича, дом Ивана Леонтьевича Евтюкова. Стариков давно нет в живых, а дети иногда навещают родительский дом. Приезжал Анатолий с женой Людмилой Григорьевной, покрыл крышу; одно время Дина Ивановна частенько ездила с мужем Иваном Алексеевичем и внучкой Анечкой. Это наши унежемские друзья. На болото, на рыбалку всегда ходили вместе, да и разговоры у нас находились общие. Добрые, душевные друзья, хорошие товарищи.

За их домом пустырь, а потом «сердцу милый дом», вернее остатки дома бабушки Евдокии Корниловны и деда Максима, в котором в детстве я бывал частенько. За дорогой напротив дома ба-

*На первом плане – дом Ивана Леонтьевича Евтюкова,
за ним – старый дом Ольги Григорьевны.*

Справа налево: дом А.Г. Куколевой, дом П. Варзугиной, вдали – Магазея.

бушки два домика: Варзугиной Пелагеи и Куколевой Акулины Григорьевны, оба нежилые, покосившиеся, без окон и дверей, заросли крапивой. На берегу у Великой вараки – Магазея, с правой стороны вараки рыбный склад. Вот и вся Унежма.

На море полный отлив. Мы идем копать червей. Дорога через вараку. Поднимаемся на самую вершину горы. Море ушло и обнажило, как подносы, две большие губы: Унежемскую и Смолениху, которые обсохли и блестят на солнце. Обмелела река Унежма и открылось по берегам ее нагромождение камней. Обсох остров Камбалий и Вайхлуда, появился Рог – песчаная отмель до Лёхлуды. В большие отливы по нему пешком ходили на островок копать червей, собирать ягоды, ловить рыбу. От варака вода уходит недалеко, всего за пятьдесят-сто метров, обнажая морское дно, островки-лудушки, обросшие морскими водорослями – турой. Тура прилепилась и растет почти на каждом морском камушке, на каждой щелье – везде, куда приходит море. Подводные лудушки, на которых растет тура, называют турницами. Это Турлуда, Малые Турницы,

Большой Турниц. Тура от отлива до прилива не высыхает, она всегда сырая и скользкая, с воздушными пузырьками внутри.

Дальше в море километров на десять синее Хедостров – большой лесистый остров. На него ездили рыбу ловить, собирать ягоды. За Хедостровом острова Коткана, за ними Кондостров.

Повернувшись на юг, мы увидели болото и лес, дым от паровозов, слышали гудки лесовозных машин. Там, на железнодорожной станции, идет заготовка леса и погрузка его в вагоны. На вершине самой высокой лесистой горы – трансляционная вышка для передачи телевизионных программ.

Внизу, в треугольнике, образованном вараками, стоят дома в зелени, в этом удивительном по красоте зачарованном месте. Один из туристов, побывавший в Унежме, назвал ее «деревушкой среди трех скал»¹². Нет, не среди трех, а среди четырех! С южной стороны есть еще Смолениха.

С крутолобых варак можно непрерывно смотреть на море, деревню, и не надоест. Отсюда видна Сосновка и рыбацкий домик на ее берегу, виден Цельнаволок, Корепалка, нюхотская Святая гора, Ворзогоры, в хорошую погоду – Лямецкий берег.

«Унежомский наволок – Москвы уголок», – так говорили об Унежме не только ее жители, но и приезжие. Журналист В. Хряшков, посетивший Унежму, писал: «Места здесь поистине удивительные. С трех сторон село окружает Белое море, а с юга темно-синей стеной встает лес. На горизонте плавающими лебедями разлетелись острова, большие – приюты для бесчисленных птиц, малые – наполовину скрывающиеся в пене северного шторма. И так хорошо здесь, что лучше не придумаешь! А скалы-вараки! Есть ли что-нибудь им подобное? Пройди по всему Беломорью и ничего краше их не увидишь! Это остатки ледника, в иных местах, особенно у моря, сплошная каменная плита – щелья. Только на вершинах да в расщелинах растут сосны и кустарники, чудом зацепившись за камни, стоят величественно и гордо. Воздух пахучий, смолистый. Это заповедные рощи Унежмы – краса и гордость!»

Мои раздумья об Унежме прерывает Катя.

---

¹² «Деревушкой среди трех скал» назвал Унежму писатель и краевед Г.П. Гунн. Так называется глава об Унежме в его книге «Онега впадает в Белое море» (Москва, «Мысль», 1968 г.) (Примечание составителя).

– Дедушка, а там за домами какие сараи, что в них?
– Это, Катюша, не сараи, а бывшая молочно-товарная ферма и коровник. В ней колхоз содержал коров и телят. А чуть правей – конный двор.

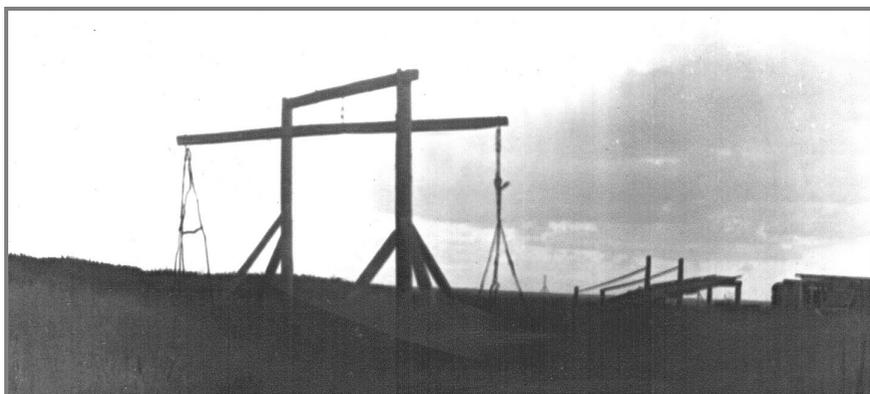
Между коровником и конюшней стоят деревянные весы, на них взвешивали корм для животных: сено, солому, овес, картошку и другой фураж. А рядом с Толиным домом, в полуразрушенном, без крыши, был маслозавод, там делали масло из молока, а в доме, в котором живет Прасковья Прокопьевна, было правление колхоза.

– А теперь что в сараях?

– Сейчас там ничего нет. Коров, телят, лошадей сдали в Кушерецкий колхоз, а дворы пришли в негодность: крыши сгнили и текут, стены дырявые, только на дрова.

Остатки коровника колхоза «Великое дело». 1982 г.

Бывшие колхозные весы. 1982 г.

– Дедушка, а поля были у колхоза?

– Очень мало, – отвечаю Кате. – Колхоз наш рыболовецкий, земли хорошей около деревни нет, унежомы кормились от моря. Поморы говорили: «Море – наше поле». Мой папа, дедушка, прадедушка ходили на Мурман ловить треску. Треску продавали, на деньги закупали продукты, в том числе муку, крупу, сахар.

Катя у нас первая помощница. Копают червей, пилит дрова, ходит за водой с Димой на Крестовой колодец к Великой вараче – все делает без отговорок. Сейчас Кате двенадцать лет. Смотрю на нее, рослую не по годам, и вспоминается 1971 год. Принесли мы ее из больницы маленькую, еле видную из пеленок и одеял. Впервые с женой стали бабушкой и дедушкой. Все мы – Галя, Володя, Рая и я – были несказанно довольны появлением маленького человечка. На семейном совете приняли предложение жены назвать девочку Катей. Имя хорошее: Катя, Катюша, Катенька, известное в литературе и поэзии. Через два дня кончилось веселье – заболела наша радость Катюша, вызвали врача. «В больницу», – таков был приговор педиатра. Увезли внучку – ушла от нас радость. Ходим все хмурые, не разговариваем. На третий день подхожу к Вове и говорю:

– Пойдем за Катей, возьмем ее домой, будем сами лечить.

– Она ведь больная, не отдадут! – вступает в разговор жена.

– Не знаю, папа, как и быть...

– Пошли, возьмем под расписку. Я боюсь, они ее заколят уколами.

Потом Вова согласился и через некоторое время Катюша была дома, выздоровела и развилась, как все дети. В десять месяцев она начала твердо становиться на ножки и ходить около стула. Поставил я ее около стенки, а сам сижу на корточках метрах в двух и зову:

– Иди, иди сюда, любушка, иди малышка...

В это время на пороге показалась Люба – сестра Володи. Заглянула в комнату и смотрит удивленными глазами, говорит:

– Кого вы так зовете?

– Катю учу ходить! Зову ее!

– Какие хорошие слова сказали, Иван Матвеевич, аж слезы проступили.

Начинаем спускаться вниз и мои воспоминания постепенно исчезают. Идем мимо разрушенного дома – бывшей школы-

четырехлетки, в которой я учился. Проходим берег, ступаем на куйвату («сухое» – финское слово). Леша остановился и смотрит, не двигаясь с места, потом говорит:

– Когда мы приехали, здесь было море, а сейчас его нет, как оно ушло, дедушка?

– Сейчас отлив и море ушло от берега.

– А еще придет?

– Придет, придет и зальет, убегай скорее! – кричат Катя и Димка, а сами, озорники, смеются и хохочут над неосведомленностью Лешки, впервые приехавшего в деревню.

– Придет через шесть часов, а потом опять через шесть часов уйдет, и так всю жизнь. Море как живое, оно всегда в движении, – отвечаю Леше.

Леша жметесь ко мне и тихонько спрашивает:

– А почему дно моря неровное?

– Неровным его делают ветер и волны. На море почти всегда ветер, ветер гонит воду, а волна делает куйвату ребристой.

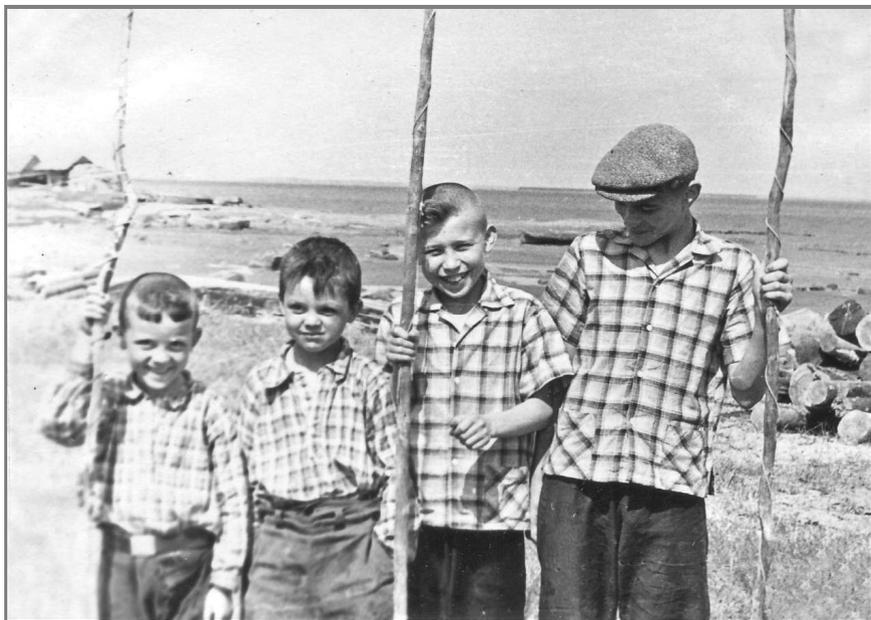
Идем подальше от берега. Вся куйвата усеяна кучками песка и углублениями. Это домики морских червей – пескожилов, там они живут и размножаются. Пескожил используется как приманка для лова наваги и камбалы. Увидел Леша кучки и лунки и опять вопрос ко мне:

– Дедушка, а это что? – говорит, указывая на кучки и лунки.

– Где кучка песка, там туалетик, а где дырка, там столовая червей. Я вытаскиваю из песка червяка длиной около двадцати сантиметров и подаю ему. Он не берет, боится.

Леше только еще пять лет. Он читает, пишет, считает, все ему надо узнать, все посмотреть. На рыбалке он не хочет ни от кого отставать, упорно ловит рыбу. Когда Анна Ивановна выловила сига, он тоже захотел непременно поймать серебряную рыбку. Старался забросить удочку подальше, наживить получше, не хотел уходить со щелья. Спокойный и рассудительный мальчик, слушается, ласковый. Подойдет ко мне, сядет рядом и слушает. Вижу, что не хватает ему родительского тепла, возьму на руки, прижму к себе, отойдет от него скука, посветлеют глазенки, опять побежит играть.

Играли они все вместе – Катя, Дима, Леша – в оставшейся передней комнате. Катя «варила, пекла», мальчики носили ей песок,

Юные рыболовы

воду, траву. Посмотришь на них и сердце радуется: все они здоровые, бойкие, веселые.

Но вернемся на куйвату, где мы копаем червей. Во время отлива сюда прилетают чайки и чирки, приходят отпускники и пенсионеры с копалёнками (лопатами) на деревянной ручке и с банками для червей. Около Братанов (два больших камня) ходят Екатерина Осиповна и Григорий Андреевич Бездетных, снимают рыбу с продольника, копают червей.

Екатерина Осиповна родилась и выросла в Унежме. Тут жили ее отец и мать Куколевы. Отец погиб на империалистической войне, а мать, Таисия Кузьминична, оставшись с малолетними детьми Катей и Василием, прожила тут тяжелую и безрадостную жизнь. Чтобы прокормить себя и детей-малюток работала за мужчину: возила на поля навоз, пилила и колола дрова, рыбачила с осени до весны на стуже и морозе, чистила уборные – работала по найму у зажиточных сельчан, а зимой содержала в своей небольшой

Екатерина Осиповна Бездетных (ур. Куколева)

избушке, где и была только одна кухня, вечеринку. Подросли ребята и стали помогать. Екатерина Осиповна трудилась в колхозе, на лесозаготовках, рыбачила, потом уехала в Мурманск. Там у них с Григорием Андреевичем выросло две дочери и сын. Теперь они все имеют свои семьи. Не забывает Екатерина Осиповна свою родную деревню, с Григорием Андреевичем ездят каждый год. Берут с собой внуков, приезжают дочери, зятя.

Недалеко от нас копает червей Анна Ивановна Кондакова, наша соседка по Заполью, с внучкой Олей и дочкой Эллой. Анна Ивановна ежегодно приезжает на лето в Унежму. Тут

Анна Ивановна Кондакова (ур. Евтюкова)

живет ее тетушка Ольга Григорьевна, тут похоронена мать, Анфиса Григорьевна. Сначала Анна Ивановна приезжала в Унежму всей семьей: муж, сама, мать и дочка. Когда умер Веня, стали ездить с матерью и дочкой. Потом, после смерти Анфисы Григорьевны – с дочкой и внучкой Олей. Между прочим, один год не приезжала, жила у сестры в Москве. После она рассказывала: «Живу я в Москве, а сердце болит по Унежме. Хочу ехать, а се-

*Анфиса Григорьевна Евтюкова
(ур. Куколева)*

стра не отпускает, на огороде надо работать да ездить на базар торговать. А торговать не могу, стыд и позор сидеть с морковкой да луком под презрительными взглядами людей, собирать копейки. Сижу на рынке, работаю на огороде, а в голове Унежма. Ругаю себя, нервничаю, даже заболела. Еле-еле дожила до осени. А годик этот мне показался длинным-длинным. И вроде я что-то потеряла. Осенью уехала от сестры и сказала: «Больше не жди, не приеду копать на огороде и торговать».

Как и Анна Ивановна, мы тоже копаем червей. Стараются мои внуки Катя и Дима, Алеша смотрит как копать, с какой стороны. Стараются, а не получается. Еще раз объясняю и показываю, как держать копалёнку, откуда начинать.

– От лунки к кучке надо копать, да чтобы лунка и кучка были одного червя! Если неправильно будешь копать, не найти червя. Знаю по себе, что копать червей дело нелегкое, нужна практика и сноровка.

Пока нет ягод, все свободное время мы бываем на рыбалке. Есть у нас продольники, помахалки (удочки), и мы ежедневно ходим ловить рыбу на горбыли (щелью) или в реку. Накопав червей, забираем удочки, корзину и идем ловить камбал на помахалку. Наживляем крючки червяками и забрасываем помахалки со щелей в море. У Леши помахалка маленькая, по росту. Подходит вода, под-

ходит рыба. Вытаскиваем наши орудия лова, а на них по две, а иногда и по три камбалы. Вот Димке клонуло сразу две, Леша вытащил одну, Володя три. У мальчишек в глазах огоньки, бегают с камбалами, пускают их в ляги, смотрят, как они плавают. Хотя рыба клюет хорошо, а Володе такая рыбалка не нравится:

– Что это за камбала, вот на реке половить бы щук да окуня!

– Ну дак сходишь и на реку. Пошел бы я с тобой, да далеко надо брести по траве и болоту.

В корзине у нас килограмм пять рыбы и я объявляю:

– Сматывайте, ребята, удочки, пойдем домой!

– Дедушка, еще немного половим. Ну, пожалуйста, дедушка! – просит умоляюще Димка.

– Надо идти к обеду, нас женщины ждут!

Потом Дима и Леша научились рыбачить и стали ходить на горбыли одни. Раз приходит Дима и говорит:

– Дедушка, давай варить уху!

– А где рыба, покажи! – говорю ему.

Он принес корзину и показывает на дне ее семь маленьких камбаленок, одна из них без головы. Беру ее за хвост и спрашиваю:

– Дима, а эта камбала тоже попала на крючок в заглот?

– Все на крючок, – тараторит Димка, довольный удачной рыбалкой. Потом Дима освоил лов помахалкой и вылавливал по двадцать-тридцать камбал.

Димка, наш внук – боевик, шалун и непоседа. Он везде успевает. За один день в Унежме узнал всех, завел с ребятами знакомства. Особенно большая дружба у него была с Вадимом – внуком Бездетных. Кроме того что они ловили рыбу вместе, еще и катались на плоту, совершали похождения на вараку, играли в «фантомаса», строили крепости из песка, и многое другое. Они так подружились, что всегда ходили вместе. Дима – заядлый рыбак. Он готов ловить рыбу днем и ночью. Когда ловит рыбу, забывает есть и пить, готов целыми днями сидеть у моря. Еще одна хорошая черта в его характере – говорить все начистоту, правду. Он никогда ничего не скрывал, был искренен. С Вадимом они, конечно, фантазировали, но это не в счет, у мальчишек это от природы. С рождения у него было пристрастие к технике. Еще в кроватке он разобрал на части два будильника и магнитофон. Был он у нас в Мурманске годовиком и старше, жил подолгу. И тут его пристрастие к технике тоже сказыва-

валось. Он собирал все бытовые электрические приборы, включал их, смотрел на них. Единственно, чего он боялся, это пылесоса, поэтому за пылесос не брался. Зимой у него заболел зуб и Рая повела его к стоматологу. Посадили его в кресло, а врач незаметно подобралась к зубу и энергичным рывком удалила его. С ревом, криком и со слезами выскочил Дима из кресла.

– Такие большие, а маленьких детей обижают, больно делаете, больше не приду к вам!

Другой раз они ходили с бабушкой в парикмахерскую. Диму подстригли, освежили и сказали:

– Иди, мальчик, к бабушке.

Дима идет по залу и видит: сидит мужчина в кресле и все лицо в мыле. Он такого никогда не видел. Подошел и говорит:

– Дяденька, а кто тебе морду намылит?

Это отступление, как говорится, из истории, а сейчас продолжим разговор об Унежме. Ходили мы с Володей к Камбальему острову в реку торбать на продольник. Катя, Димка, Алешка не оставали. Там на острове они сидели на берегу, играли, а мы в болотных сапогах спускались в реку и ловили камбал, иной раз приносили по корзине рыбы. Варили из нее уху, пекли рыбники, сушили. Домашними делами и стряпней занимались Рая и Галя. Каждый день они пекли пироги, плюшки, варили суп, кашу, иногда яичницу.

Пообедав, мы сидим и разговариваем. Ребята наши ушли играть. Павлик, которому всего два с половиной года, дома. Его лучшая игра – молоток и гвозди. Он сидит дома с бабушкой или на море, где комаров нет, иначе они его заедят. Скачала он боялся бани, обходил ее стороной, а потом привык. Баню любили все, даже ребята парились на полке.

Лов рыбы на продольник

Через некоторое время смотрим: Павлика в комнате нет. Галя сунулась к окну и бегом на улицу, мы за ней. А он, шалун, снял крышку с колодца и смотрит в него, а ножонки уже на весу. Успела Галя, схватила за ноги, вытащила. Нагнал он тогда на нас страху!

В августе началась морошка. Ходили за нею почти каждый день, и все на одно и то же место, к Тухручью. Ею заполнили свободные ведра, тазики, банки, кастрюли. Петровна ходила к тете Лизе, принесла еще десять литровых банок, но этого оказалось мало. Сидим, обедаем и рассуждаем, куда складывать ягоду. Кто предлагает в ящики, другие – ссыпать в угол.

– Будем в рукомойник, как в Простоквашино! У Шарика, Матроскина и Федора тоже не хватало посуды, дак они сливали молоко в умывальник.

– У нас тоже Простоквашино! Ура! Ура! – кричат внуки.

Все смеются. Ребята выбежали на улицу и кричат:

– Ура! Простоквашино, Простоквашино!

Услышала крик Анна Ивановна и идет к нам.

– Что у вас за веселье? Ребята кричат о каком-то Простоквашино.

– А помните мультфильм про Матроскина, Федора, Шарика, почтальона Печкина и Галку? – кричит Катя.

– Знаю такой фильм.

– У них некуда было сливать молоко, а у нас не во что складывать морошку. Вот мы и решили назвать наш хутор Простоквашино!

– Ну теперь ясно.

Только не Простоквашино надо назвать, а Морошкино.

– Ура! Морошкино, Морошкино! – кричат ребята.

Все смеемся до упаду. Павлик кричит, рад всеобщему смеху.

Но избыток морошки скоро у нас кончился. Вениамин Петрович подготовил бочки и стал принимать ягоды для Рыбкоопа. Ежедневно по два-три ведра мы сдавали ее на склад. Когда посчитали, оказалось что мы сдали 209 килограмм, больше всех на деревне. На вырученные деньги купили Кате коврик к кровати.

Морошку ели, как говорят, до упору, с сахаром, с молоком, с водой, в пирогах, в ватрушках. Вкуснятина, незаменимый витамин, благотворно действует на сердце, желудок, кишечник. Уходили за морошкой обычно после утреннего чая, в девять-десять часов, по проторенной в траве тропке. У взрослых по ведру, у Кати бидончик, у Димы и Леши по корзине. Через три часа посуду заполняли до краев, уминали, чтобы не оседала дома.

Положив ведра в рюкзаки, идем домой. Я шагаю сзади ребят. Меня догоняет Толя Куколев – фантазер, краснослов, баюн. Знаю, что он любит поговорить по досюльному, а мне хочется послушать, как говорили раньше в Унежме. Прихрамывая, он догоняет меня.

– Соседушко, а дорога-то порато худая, ухлябался, ножонки не идут! – говорю я ему.

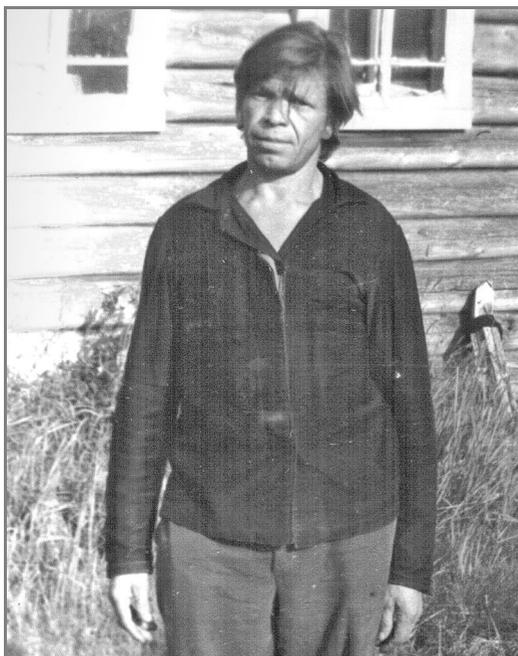
– Ты ведь нонце в городах живешь, дак сказал бы, пусть дорогу сделают!

– Говорил! Меканце запланировали на двадцатую пятилетку.

– Порато долго дождатца, помрем до того.

– А ты сам сделай, бывало-то был удалой.

– А теперь не такой, как оногдысь, не сделать одному, а гопники разбежались. Ну, ладно, к весне всех соймаю, да посажу на цепи, батога-

Анатолий Николаевич Куколев

ми нахлещу, велью сделать осфальт, как в городе, штобы ходить за морошкой было легче.

– Да уж где там асфальт, хоть бы куйватну дорогу!

– Гопники сделают осфальт. А на Великой вараке, на самой макушке, построю дворец с большими окольнымичами да высокими хоромами для курортников, штобы сидели с матерушшими пома-халками и ловили рыбу из окон, да сдавали мне для плана. А тебе срублю домишек на Средней вараке окольнымичами на болото, штобы видел где морошка.

– Дорого ведь запросишь за все!

– Не дороже денег!

– Ну дак ладно, строй! Спасибо люди скажут.

Дорога стала крепче, виднеются дома, а поговорить еще хочется.

– В воскресенье-то у нас престольный праздник, Ильин день.

– Дак знаю. Только я к нему не подготовился. После морошки ничего не могу делать – повалюсь и засну, а суббота тоже не работа – в субботу баню топят, блины пекут, говорили мужики, а в воскресенье празднуют, вино да водку пьют. Уж после праздника позову кого-нибудь из баб зень да потолки да лавки пошоркать го-ликом со щелоком да с песком. Оногдысь сам шоркал вехтем, да упал со стула на косичу, россек да и не помню сколько валялся. Очухался утром, а подо мной ляга крови.

– А баню-то будешь топить?

– А как же. Надо помытча да и похвостатча! Работы-то у меня много: надо пецку переложить, да хоромы перекрыть, да кам-бал на сушь половить, да телятишек пасти. Бывало, везде успевал.

– Бывало-то могунтой был.

– Было дело, хозяйничал немало. В досюльни-то времена нацальничал над всем побережьём: за морем смотрел и за судами успевал глядеть и на земле знал что деетця. Все видел с вышки со смоленишной. Там был у меня поворотный круг, штобы ветром за-ведовать. Куда поверну, туда и ветер задует, куда скажу, туда и суда пристанут. Поломали ребятишки поворотной круг, а нового сделать не могу.

Подходим к домам. Толин дом на самом краю деревни от Смоленихи. Дом не старый, но стал оседать, как и наш. Живет в до-

ме он один, иногда приезжает племянник Витя, мальчик лет 10-12, вместе телят пасут, ловят рыбу, ходят за ягодами. Жизнь у них хостяцкая. Печку топят, когда надо испечь хлеб. Кстати, особо следует отметить, что хлеб Толя печет отменный: душистый, пропеченный, с красной поджаристой корочкой. Ешь этот хлеб и еще хочется. Все время пока мы ездили Толя пек нам хлеб. Его хлеб, пожалуй, самый лучший в Унежме. Узнала об этом Ольга Григорьевна, смеется и говорит:

– У вас есть свой пекарь!

– Есть и очень хороший – Толя Куколев! – отвечаем мы.

Булочки, плюшки, пироги печем дома, а вот с хлебом не управляемся, нет опыта.

Ребята мои уже дома раздеваются и умываются. На столе самовар, рыбники, пироги, плюшки, все вкусное, мягкое, сладкое. Пить хочется после жары, по три бокала выпиваем. Нигде так не хочется пить и есть, как в Унежме. Причина видимо тому чистый морской лесной воздух, обилие зелени.

В один из воскресных дней все мы ходили на Смолениху, а вечером зашли к Бездетным, потом к Ольге Григорьевне. Везде угощали и поили чаем. Вечером легли спать, ничего не подозревая. А ночью разразился шторм, да такой сильный, что волны доходили до нашего дома и заливали кровати. Утром нехотя встал Леша в мокрых трусах, за ним Дима.

– Почему такое случилось, не знаю, – говорит Лешка.

– Был шторм, море было у нашего дома, – отвечаем мы. – Волной залило ваши кровати, вот вы и мокрые.

– Правда было так? Я ничего не слышал, ни ветра, ни моря, – говорит Дима, поверив нашей шутке. Мы все смеемся, а они под хохот переодеваются в чистое и сухое. Не закончили пить чай – идет Володя с рыбалки, злой, что редко с ним бывает.

– Нет рыбы в вашей реке!

– Как нет? Дядя Иван Максимович носил с реки метровых щук, килограммовых окуней, недавно ходили Валентин и Федор Варзугин, принесли полный кошель щук и окуней, – говорю я.

– Не видел ни одного всплеска, ни одной малявки. И реки нет, одни камни, – заявляет уверенно Володя.

Второй раз на реку они ходили с Галей. Принесли одного окуня. Значит, в Унежме-реке рыба еще есть: не задушили ее бен-

Семья Ульяновых в Унежме

зин и масла, сливаемые лесозаготовителями в реку, не погубила ее щепы и кора, всевозможные отходы лесопилен и деревообработки.

Началась черника. Первые ягодки собрала Катя. С каждым днем их становилось все больше и больше. С Варничной, с Великой варак носили корзинами, ведрами, бидонами, мяли с сахарным песком и ели, пекли пирожки и ватрушки. Ребятам так понравилась свежая черника, что совсем забыли морошку, а когда ее подавали на стол, не ели.

Набрав черники, стоим на самой вершине Великой варакы, отдыхаем и любуемся красотой. Вокруг такая тишина и безбрежность, такое чарующее небо и такое же голубое-голубое море, как в Крыму. Белое море! Так и хочется петь: «Белое море» вместо известной песни «Черное море». Кому черное, а мне нравится Белое, лучше его нет. Пусть оно неприветливое, порой сердито, ветрено, пусть здесь нет песчаных пляжей и лазурных лагун, но оно мое, родное. Море не бездушно, оно все время меняется, приходит и

уходит. Оно может быть разным: то густо синим до черноты в яркий солнечный день, и его назвал бы я Синим. В ненастье оно бывает свинцово-серым с белыми гребешками валов и его можно назвать Серым. Но есть время, когда оно спокойно: в отлив, на закате и восходе солнца море застывает как зеркало, тогда оно белесого цвета как и небо, и кажется нет ни моря ни неба, а есть белая стихия, и тогда оно действительно Белое.

Хорошо жить у моря! Тут всегда свежий, солоноватый, чистый воздух, много света, бодрящий ветерок. Сейчас прилив. Море подошло к берегам, заполнило речки и ручьи, губы, закрыло турницы и камни. Вдали река Унежма – большая и широкая, наполненная водой, блестящей извивающейся лентой она уходит на юг. Слева, справа и сзади море, только с юга небольшой перешеек суши – деревня на полуострове.

Море наше, морюшко. Никто и никогда не ругал его, всегда относились к нему ласково, с уважением. «Отзовешься неладно, рассвирепеет!» – говорили поморы. «У моря жить – с морем дружить», – исконное правило рыбаков. Из поколения в поколение передавалось это правило, любовь и почет к морю не угасали. Море кормило, одевало и обувало, оно давало рыбу, соль, морского зверя. По нему ходили на Мурман ловить треску, плавали в Норвегию продавать рыбу, а там закупали необходимые товары для себя.

Море наше холодное. Но в хорошую летнюю теплую погоду дети и подростки купались по много раз в день, особенно на небольших глубинах, где вода прогревается солнцем. Будучи в отпуске, мы тоже ходили к морю, раздевались и бродили по лягам (лужам), в которых вода теплая, как парное молоко. Дима с Вадимом не уходили от моря: то ловили рыбу со щельи, то катались на плоту, то купались. Несколько дней подряд вода была теплая, как в южных морях летом, мы все купались и плавали долго, заходили в воду глубоко и не чувствовали ее холодной. Через несколько дней захотели повторить купание, но увы... вода была уже холодная.

В конце августа у Гали и Володи кончался отпуск и мы стали собираться домой. Вечером накануне отъезда пошли прощаться с морем. Была полная вода, и на песке у прилива Володя развел костер. Все сели около него, смотрели на море, острова, вараки и деревню.

И вот отъезд. С ведрами, коробками, узлами рано утром идем на берег к лодке. Вениамин Петрович, наш капитан, уже около мотора: проверяет и заправляет двигатель.

– Заходите в карбас, сейчас поедем!

Отталкиваемся от щелья. Веня заводит мотор и берет курс на Корепалку.

– До свидания, Унежма! – кричу я, а за мной подхватывают все сидящие в лодке:

– До свидания, Унежма, до свидания, вараки! Мы еще приедем!

– Мы пиедем! – повторяет Павлик.

Все смеются над Павликом, над его неожиданной выходкой. И он смеется. Только не слышно смеха Вениамина Петровича. Смотрю: сидит он съезжившись, опустив голову ниже обычного, а в уголках глаз скупая мужская слеза блестит. Расчувствовался Веня, жалко расставаться с шумной нашей компанией. Но он быстро поборол слабость и говорит:

– Приезжай, милый, пока дядя Веня жив и здоров! Встречу в Нюхче на лодке.

ЛИТЕРАТУРА О СЕВЕРЕ

- *Базанов В.Г.* Поэзия русского Севера
- *Баркина В.С.* Кемь
- *Бажажин Н.П.* Помор из Унежмы
- *Бондаренко В.Г.* Сокровенное слово Севера
- *Бацер М.И.* Выгореция
- *Бернштам Т.А.* Поморы;
Русская народная культура
Поморья в XIX – начале XX вв.
- *Василевская О.И.* История Карелии. Часть I
- *Герман Ю.П.* Россия молодая
- *Гунн Г.П.* Онега впадает в Белое море
- *Герт Г.М.,
Мамонтова Н.Н.* Загадки карельской топонимики
- *Горький А.М.* По Союзу Советов
- *Гузанов В.Г.* Соловецкие паруса
- *Двинин Е.А.* Край, в котором мы живем
- *Иванов В.Н.* Черные люди
- *Калинин Г.Д.* Онега
- *Киселев А.А.* Родное Заполярье
- *Кибирев М.Ф.* Архангельск
- *Левашов Е.А.* Москвичи и иных мест люди

- *Линевский А.М.* Беломорье
- *Максимов С.В.* Год на Севере
- *Орфинский В.П.* Логика красоты
- *Панкратов С.И.* Север в душе моей
- *Паленичко З.Г.* Жизнь Белого моря
- *Поляков Б.В.* Кола
- *Писарев С.С.* Приключения Семена Поташева,
молодого помора из Нюхотской волостки
- *Пришивин М.М.* Осударева дорога;
В краю непуганых птиц;
За волшебным колобком
- *Толстой А.Н.* Петр Первый
- *Разгонов С.Н.* Северные этюды
- *Титов Ф.И.* Беломорск
- *Ушаков И.Ф.* Кольская земля
- *Фруменков Г.Г.* Узники Соловецкого монастыря
- *Хряшков В.И.* Письма с Поморского берега
- *Чапыгин А.П.* Разин Степан
- *Чесноков И.Н.* Морем живы
- *Чистов К.В.* Русские сказители Карелии